ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА
Корабль
призраков

Ева

Виктория Платова

Корабль призраков

«Эксмо»
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

Корабль призраков / В. Е. Платова — «Эксмо», 2017 — (Ева)

ISBN 978-5-04-089593-9

Экзотический вояж, в который отправляется комфортабельное туристическое судно, оборачивается настоящим кошмаром для всех его пассажиров. Таинственным образом исчезает экипаж корабля, а оставшиеся на борту становятся свидетелями нескольких необъяснимых исчезновений и убийств. Но только Ева знает, что зло имеет вполне конкретные очертания: на борту орудует серийный убийца. Им может оказаться любой из респектабельных участников круиза. Кто? Именно это и предстоит выяснить Еве до того, как следующей жертвой станет она сама…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089593-9

© Платова В. Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть I 5
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Виктория Платова
Корабль призраков

Володе Танакову, с любовью

Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми случайно.
Автор

Тот, кто научится молиться, пусть выходит в море.
Д. Герберт, английский поэт

Часть I
Охотники

…Конечно же, я сразу вспомнила ее лицо.

Иначе и быть не могло, народ должен знать своих героев, тем более таких пикантных. Породистое лицо, растиражированное всеми музыкальными каналами; татуировка, идущая от левого виска к мочке уха, – маленький красно-черный лемур, похожий на полузабытое поджарое божество древних ацтеков. В жизни она была даже привлекательнее, чем на экране, к тому же от нее исходил слабый запах ванили, чуть позже я поняла его происхождение.

Чуть позже.

– Черт возьми, это действительно она! Клио… – шепнул мне на ухо оператор Вадик Лебедев, высоколобый тихушник, подпольный любитель Сартра, Хорхе Луиса Борхеса и съемок на восьмимиллиметровую пленку в стиле мягкого порно. Я и представить себе не могла, что этот неистовый адепт андеграунда следит за траекторией движения поп-звезд. А Клио была именно поп-звездой, любимой игрушкой MTV и продвинутых молодежных журналов. Два стильных клипа на исходе осени, бесчисленное количество интервью в середине зимы и, наконец, выступления по элитным ночным клубам двух столиц в самом начале весны. В своих задушевных беседах с журналистами она выглядела не такой клинической дурой, как все остальные обитательницы эстрадного Олимпа, во всяком случае, была не прочь продемонстрировать некое подобие осмысленной самоиронии и приблизительное знание теории относительности Эйнштейна.

– Смотри шею не сверни, – посоветовала я оператору Вадику. – Или что-нибудь в этом роде.

«Что-нибудь в этом роде» было явным намеком на хорошо законспирированное мужское достоинство худосочного, подчеркнуто асексуального интеллектуала Вадика Лебедева. И ничего удивительного в этом не было. За поп-звездой Клио водился этот грешок, – как раз в духе отвязной сучки Шарон Стоун, – она умела возбуждать мужское поголовье одним своим присутствием. Даже на невинно-политический вопрос из серии «Как вы относитесь к проблеме этнических меньшинств?» она отвечала так, как будто бы хотела затащить к себе в постель все этнические меньшинства, включая народности тутси и намбиквара. Или не отвечала вовсе, а лишь закидывала ногу на ногу и отсылала назойливых корреспондентов с их назойливыми диктофонами к своему басисту (потрясающе красивому негру, который до встречи с продюсером Клио прозябал в аспирантуре Московского университета). Или к своему ударнику (потрясающе красивому филиппинцу, который до встречи с продюсером Клио горбатился в каком-то кафе на площади трех вокзалов).

Негр, филиппинец, две мулатки на бэк-вокале, два латиноса на подтанцовках, хорошо обработанная и хорошо поданная этническая музыка, двусмысленные фразочки, двусмысленные тексты, туманные теории о вреде бюстгальтеров, – словом, Клио была та еще штучка. А ее телевизионный флирт со всей страной был лениво-неагрессивен и в то же время так неприкрыт, что она всерьез претендовала на то, чтобы стать последним секс-символом уходящего столетия.

И вот теперь этот секс-символ находился в опасной близости от нас, в зачумленном аэропортишке маленького городка на самом востоке страны, где и слыхом не слыхали о VIP-персонах подобного масштаба. Клио прилетела сюда из Южно-Сахалинска, на частном самолете своего бой-френда, нефтяного магната с такой сомнительной фамилией, что при одном ее упоминании сразу же хотелось схватиться за пистолет. Знающие люди поговаривали, что, помимо постоянно озабоченного перекачкой за рубеж огромных сумм нефтяного магната, Клио спит еще и со всей своей командой, а также с половиной редколлегии модного музыкального журнала «Old Home Movie». Именно этот навороченный журналец для золотой молодежи негласно влиял на все эстрадные чарты в стране. Хотя, объективности ради, нужно было признать, что Клио занимала свои первые места совершенно заслуженно.

Что-то такое в ней было – легкая сумасшедшинка, немного заспанная сексапильность. И даже татуировка на лице ее не портила и казалась вполне естественной.

– …Ну и телка, мать твою, – не смог сдержаться откомандированный для встречи московской знаменитости старпом Вася. – За один только просмотр нужно деньги брать. Даже зачесалось все.

– Чаще мыться надо, – с непонятной ревностью ответил Вадик и вскинул видеокамеру.

А я подумала о том, что нас ждут веселенькие две недели в открытом море. Если эта сексапилка Клио будет по поводу и без повода шастать по палубам, то мужички перестреляют друг друга из подведомственных карабинов, и рейс сразу же оправдает название экстремального.

…Мы с оператором Вадиком торчали в этом дальневосточном захолустье уже два дня. Пара идиотов-подвижников, рекрутированные малоизвестной туристической фирмой для съемок видового фильма о новом маршруте. Маршрут имел романтическое название «Скорбное безмолвие тюленей» и стоил бешеных денег. Летние каникулы в Швейцарских Альпах, зимние каникулы на Сейшелах и рождественская неделя в Париже на полном пансионе обошлись бы пресытившимся нуворишам гораздо дешевле. А именно на них и был рассчитан весь дерзкий замысел руководителей турфирмы, представившихся нам с оператором Вадиком Лебедевым Петром и Павлом. Почти апостолы, подумала я при первой встрече с ними. Два брата-акробата с глазами проворовавшихся вице-президентов фондовой биржи.

Но красота и изящество замысла поразили меня: долой окультуренную Юго-Восточную Азию и заплеванную туристами старушку Европу, да здравствует Охотское море и прочие задворки исторической Родины. При ближайшем рассмотрении идея Петра и Павла оказалась содранной с кенийского сафари и в их изложении выглядела следующим образом: в маленьком порту желающих принять участие в круизе уже ждет корабль, на котором они отправляются за тюленями (ничего криминального, лицензия на охоту, квоты на отстрел ластоногих и все соответствующие документы уже получены). Больше всего «апостолы» упирали на слово «экстремальный». Экстремальным было время года, выбранное для круиза (апрель в Охотском море изобиловал большим льдом и минусовой температурой); экстремальными были условия пребывания на судне: никаких расслабляющих бассейнов с подогревом на верхней палубе, никакой развлекательной программы до четырех утра, никаких дорогих шлюх с повадками выпускниц психологического факультета, никакого стриптиза – ни мужского, ни женского. Дурно пахнущая корабельная реальность и полное подчинение суровому капитану в свитере из исландской шерсти, из всех прелестей – только охота. Иных увеселений во льдах нет и не будет. Хотя…

Все это выглядело несколько тухловато, но Петр и Павел уверили нас, что в скором времени от желающих отбоя не будет, это ведь не просто отдых, а еще кое-что из области психоанализа, ноу-хау. И первую партию сумасшедших миллионеров-мазохистов ожидают сюрпризики. Да такие, что закачаетесь, господа кинематографисты. Мы над этим проектом полтора года бились, уж вы поверьте, скучать не придется. Раскрывать карты апостолы не стали, пообещав нам, что мы узнаем обо всем на месте. А наша задача – добросовестно зафиксировать все на пленку и по приезде в Москву сочинить десятиминутный рекламный ролик о скорбном безмолвии тюленей. За это Петр с Павлом пообещали нам кругленькую сумму в тысячу долларов на каждое кинематографическое рыло, бесплатный проезд за счет фирмы в оба конца и отдельную каюту на корабле. Перспектива получить тысячу долларов да еще бесплатно полюбоваться на красоты большого льда в конце концов перевесила сомнительное удовольствие провести две недели в обществе стерильного Вадика Лебедева.

И я согласилась.

Вадик тоже согласился. Попробовал бы он не согласиться, – дома его ждали безработная жена («Моя пиранья», – меланхолично называл ее Вадик) и мальчики-двойняшки, постоянно изводившие папочку жутковатыми просьбами о киндер-сюрпризах.

Перед самым отъездом я встретила в букинистическом на Кузнецком мосту капитана Лапицкого, своего демона-искусителя. Совершенно случайно. Когда-то давно, в самом начале моей неудавшейся карьеры суперагента, я назначила ему первое деловое свидание именно в этом букинистическом.

– Пожалуй, Москва тесновата для нас двоих, Ева, – заметил Лапицкий, ничуть не удивившись нашей встрече. – Все время сталкиваемся. Как ты?

Я была многим обязана ему. Документы, по которым я жила и с которыми собиралась умереть, были сделаны в его конторе. Царский подарок, вот только приручить меня Лапицкий так и не смог. Или не захотел.

– Пока еще живу. Несмотря ни на что, – исчерпывающий ответ, ничего не скажешь.

– Слышал, ты теперь внедрилась на студию документальных фильмов? Поднимаешь отечественную документалистику?..

– Слышал или знаешь?

– Сдаюсь-сдаюсь. – Он поднял руки, защищаясь. – Конечно, знаю. Вынужден присматривать за тобой, чтобы ты не вляпалась еще в какую-нибудь историю. На твой век их, пожалуй, хватит.

– Я тоже так думаю.

– Может быть, пообедаем как-нибудь? Следующий вторник тебя устроит?

– Увы. В следующий вторник я буду совсем в другом месте. И совсем в другом часовом поясе.

– Подвернулась работенка?

– Что-то вроде того, – мне не хотелось вдаваться в подробности, а фээсбэшник Лапицкий чересчур явно напоминал о прошлом, от которого я так хотела избавиться.

– Береги себя, – сказал он мне на прощание, сунув под мышку «Опыты» Монтеня 1884 года издания.

Я бежала от него, как бегут с поля боя поверженные войска, теряя на ходу амуницию и походные кружки. В Москве хозяйничал апрель, а в сумочке у меня уже лежал билет на самолет Москва – Южно-Сахалинск с промежуточной посадкой во Владивостоке.

…Встреча на Кузнецком мосту была всего несколько дней назад, и вот теперь мы с Вадиком Лебедевым и старпомом Васей встречали в дальневосточном аэропорту эстрадную диву. Клио была предпоследней в списке из тринадцати человек, согласившихся на авантюру в Охотском море, почему меня не насторожило тогда это число? Наверное, потому, что под номером

четырнадцать и пятнадцать шли мы с Вадиком Лебедевым, не пассажиры и не обслуга, промежуточное звено в истории эволюции…

Клио стояла предпоследней в списке, но прилетела последней. Она была восхитительно одинока на трапе частного самолетика в песцовой шубе до пят и солнцезащитных очках, – никакого эскорта, только дорожный баул из хорошей кожи и зачехленное ружье.

…Идея увязаться за старпомом и отснять приезд Клио принадлежала Вадику. Еще никто из прибывших за последние сутки туристов не удостаивался такой чести, хотя их список внушал уважение и мог составить конкуренцию как экономическому форуму в Давосе, так и воровской сходке авторитетов в предместье Ростова-папы. В числе приглашенных в круиз были управляющий крупного коммерческого банка, преуспевающие бизнесмены с задатками сырьевых королей, парочка типов с явно криминальными подбородками, один известный хоккеист, один политик федерального масштаба, одна иностранка, кажется из Швейцарии. И даже один ребенок.

Девочка лет тринадцати, дочь банкира. Я не успела узнать ее имени, только один раз слышала, как отец назвал ее Карпиком. Карпик была откровенно некрасива, и к тому же бедная крошка едва заметно прихрамывала на левую ногу.

Впрочем, у нас еще будет время познакомиться со всеми поближе, две недели в море этому поспособствуют.

Пока я предавалась подобным размышлениям, Клио спустилась с трапа и была тотчас же облаяна двумя аэропортовскими собаками, единственными, кроме нас, свидетелями ее прилета. Встреча поп-звезды прошла на уровне, ничего не скажешь, я даже почувствовала нежность к косматым дворнягам. Впрочем, Клио все сразу же поставила на свои места, подняв с земли камень и запустив им в собак, провинциальное детство научило ее держать стойку. Собаки, поджав хвосты, отправились под ржавеющий вертолет сельхозавиации, а Клио наконец-то обратила свой взор на встречающих.

– Эй, беби, – повелительно сказала она Вадику, – греби-ка сюда.

Вадик, с работающей камерой на плече, ринулся на зов. Мы со старпомом Васей последовали за ним.

– Значит, так, беби, – Клио подняла на оператора чуть тяжеловатые веки, – сейчас ты свернешь свой хобот и больше не сделаешь ни кадра в моем присутствии. А если попытаешься химичить, я тебя укокошу, – для убедительности Клио похлопала по зачехленному ружью. – У меня есть лицензия на отстрел таких вот сохатых. На будущее учти, что эксклюзивное право на съемки нужно получать у моего продюсера. Так что халява у тебя не пройдет. И вообще, я на отдыхе, так что адьес, мучачос.

Закончив тираду, Клио обворожительно улыбнулась. И маленький бриллиант, вправленный в ее передний зуб (интересно, сколько стоит это удовольствие?), ослепительно сверкнул. Ну и сука, восхищенно подумала я.

– Ну и сука! – шепотом озвучил мои мысли старпом Вася. – Кого угодно с ума сведет.

Обмякший Вадик нехотя пробормотал полагающиеся случаю слова извинения и зачехлил камеру. Клио, даже не удосужившись выслушать его до конца, равнодушно осмотрела наше блеклое трио и остановила взгляд на Васе.

– Ну, где ваша лоханка? – спросила она.

– Не понял? – Вася даже опешил от такого пренебрежения к кораблю, который он представлял.

– Господи ты боже мой! Где плавсредство-то? Или так и будем торчать в этой дыре до Страшного суда?

Это было сильно сказано, особенно если учесть, что самолет Клио приземлился всего несколько минут назад

– Собственно, все ждут только вас. – Я нашла нужным вмешаться, очень уж мне не понравился тон этой зарвавшейся Мадонны российского разлива. – А Страшный суд без вашего участия потеряет всю свою прелесть.

Смотрите-ка, кто разговорился, – именно эти эмоции отразились на холеном личике Клио, даже вытатуированный лемур надменно приподнял хвост; но скандалить с дамочкой в вытертой собачьей дохе (эту доху с барского плеча бросил мне старпом Вася, ужаснувшийся моему легкомысленному московскому пальтецу) певица посчитала ниже своего достоинства.

– Тогда поехали. – Клио с ружьем в руках – ни дать ни взять маленькая охотница, заблудившаяся амазонка, – двинулась в сторону одиноко стоявшего у кромки поля «козла», она безошибочно выбрала направление. Дорожный баул так и остался стоять на полуразвалившейся бетонке, певица следовала своим собственным правилам игры, включавшим обязательное присутствие гостиничных «боев», пусть даже и без униформы.

На этот раз старпом Вася оказался проворнее оператора. Он моментально подхватил вещички Клио и отправился следом за ней. Мы с Вадиком тоже потянулись к «козлу». Клио уже ждала нас у машины. Она брезгливо стукнула носком хорошо начищенного сапога (та же добротная кожа, из которой сделан баул, надо же, какой ансамбль, машинально отметила я) по шине и попеняла подошедшему Васе:

– Не лимузин, однако.

То ли еще будет, голубушка, с тихим злорадством подумала я, ты еще не видела «Летучий голландец», на котором мы собираемся выйти в море, – поверь, он не стоит и четверти тех денег, которые отвалил за этот круиз полумифический нефтяной магнат… Не в меру засуетившийся старпом открыл заднюю дверцу «козла» и радушно распростер руки:

– Прошу!

Клио хмыкнула, но в машину все-таки села, и даже без особых стенаний, не такая уж ты законченная стерва, какой кажешься на первый взгляд. Стараясь не оскорбить Клио своей чрезмерно демократичной дохой, я осторожно плюхнулась рядом и подобрала ноги под себя. Вадик же устроился на переднем сиденье рядом с Васей, ничего другого ему не оставалось.

– Долго ехать? – спросила Клио.

– Не очень. Минут двадцать пять, не больше, – ответил угнездившийся на водительском месте старпом Вася и повернул ключ зажигания.

В двадцати пяти минутах езды от зачумленного аэропортишки, в маленькой, забитой льдами бухте, находился его сводный брат по материнской линии – такой же зачумленный порт: отвратительного вида сейнера и траулеры, несколько неповоротливых туш зверобойных судов, почивший в бозе портовый кран и халупа, гордо именуемая головным административным зданием. На ближних подступах к порту высились терриконы из окаменевших на морозе внутренностей животных: все тот же абориген-старпом Вася пояснил нам, что два последних года зверофермы отказывались брать их на переработку. Можно только представить себе, как все это размерзшееся великолепие будет подванивать к середине августа, слава богу, что к тому времени экспериментально-экстремальный круиз «Скорбное безмолвие тюленей» забудется как страшный сон.

…Некоторое время мы ехали молча. Но Клио, видимо, была не из тех, кто может долго сохранять молчание.

– Может быть, познакомимся?

– Ева, – скромно сказала я. – А это Вадим, наш оператор.

Вадик с готовностью потряс затылком, а я продолжила:

– Будем снимать весь круиз для рекламного ролика.

– Милое дело, – равнодушно поощрила наши начинания Клио. – Ничего, если я закурю? Это не оскорбит ничьих религиозных чувств?

Эту фразу в ее исполнении я уже слышала в одной из псевдоаналитических музыкальных программ, которые упорно старалась не смотреть. И все равно смотрела. И даже знала, что последует после этой фразы: она достанет трубку, маленькую шкатулку и специальную машинку для забивки табака. На всю процедуру у нее уйдет не больше тридцати секунд.

– Курите, курите, – сказал старпом Вася, на дух не переносивший табачного дыма. Это была большая жертва с его стороны.

Клио тотчас же вынула из недр своего песца все ритуальные принадлежности и проделала все ритуальные жесты: на это ей действительно хватило тридцати секунд. Откинувшись на сиденье, она затянулась и выпустила из ноздрей первую порцию дыма, сильно отдающего ванилью. Так вот откуда шел этот запах! Он тотчас смешался с сильнодействующими духами Клио и забил все остальные ароматы «козла»: подтекшего бензина, холодного кожзаменителя на сиденьях и стойкого мужского пота.

Старпом Вася только крякнул, но от комментариев воздержался. А я подумала о том, что он не только крякнул, а и многозначительно хмыкнул, если бы увидел то, что увидела я. Трубка Клио – вот что занимало мое воображение все оставшееся до порта время. Должно быть, она была сделана на заказ, а если и куплена, то только в недрах бесстыжей Латинской Америки, которую, по утверждению ее продюсера, Клио так любила и в которой отсняла все свои клипы.

Сама трубка представляла собой искусно вырезанного невозмутимого индейца, сидящего лицом к курящему, а вот чубук ее был не чем иным, как… Незакомплексованный районный сексопатолог назвал бы это эрегированным членом.

Забавная штучка, ничего не скажешь, пощечина общественному вкусу.

Певица почти не выпускала ее из губ, и это выглядело откровенной провокацией. Я представила себе этот занимательный предмет в тесной кают-компании, в активной, начиненной оружием и пропитанной запахом тюленьей крови мужской среде, и даже поморщилась.

– Не хочу вмешиваться, – тихо сказала я Клио, – но ваша трубка… Не слишком ли двусмысленно?

– Вас это шокирует? – весело спросила она.

– Меня – нет.

– Так в чем же дело? Или мы уже подрастеряли все завоевания демократии?

– На борту, кроме взрослых, есть тринадцатилетний ребенок.

Клио обворожительно улыбнулась и выпустила мне в лицо струю дыма:

– Мальчик или девочка?

– Девочка.

– Тем лучше. Думаю, когда она вырастет, она меня не осудит.

Исчерпывающий ответ, прения можно закрыть, во всяком случае, на ближайшие две недели. И вообще заткнуться и молча наблюдать, как приближаются тусклые огни порта на самой оконечности земли… Свет фар нашего «козла» выхватил из темноты залежи смерзшихся внутренностей животных. И несметное количество чаек, копошащихся в них.

– Жизнеутверждающее местечко, – прокомментировала их появление Клио. – Во всяком случае, теперь я знаю, как выглядит рай для птичек…

Спустя несколько минут машина свернула к дальнему причалу, у которого был пришвартован корабль, – на ближайшие две недели он станет нашим домом. После тесного общения со старпомом Васей, который отвечал за связи с общественностью, мы уже имели о нем некоторое представление, но полноценная экскурсия была обещана нам только по приезде всех пассажиров.

Клио была последней в списке. Теперь приехала и она.

Значит, сегодня, в крайнем случае – завтра утром, мы наконец-то обстоятельно все осмотрим. Нельзя сказать, что это вызывало во мне какой-то особенный энтузиазм: слишком крутые трапы, слишком низкие потолки («Подволоки», – методично поправлял меня старпом

Вася), слишком навязчивое аварийное освещение… Но после возвращения в Москву мой тоскливый бюджет режиссера-монтажера пополнится на тысячу долларов, так что на неудобства можно закрыть глаза…

– Ну, считайте, что добрались, – провозгласил молчавший до сих пор старпом Вася и заглушил мотор. – Добро пожаловать на «Эскалибур».

И, как всегда, запнулся на почти непроизносимом для русского человека названии корабля. Это заметила не только я, но и Клио.

– «Эскалибур», надо же! – Она выпорхнула из «козла» и, задрав голову, с сомнением оглядела нависшее на причал судно: контуры его верхней палубы терялись во тьме. – Только что придумали название, признавайтесь?..

Клио была недалека от истины, и я в который раз за вечер поразилась ее веселой нагловатой проницательности: еще совсем недавно, до модернизации и косметического ремонта, наша прогулочная яхта была зверобойным судном ледокольного класса, честно отпахала на Советскую власть десяток лет и называлась «Збруево».

Но Клио не торопилась подниматься на борт. Широко расставив ноги (точно так же делали ее обожаемые латиносы на подтанцовках), она несколько минут рассматривала общий абрис судна. С причала корабль казался огромным, но был явно недостаточно освещен. Да и вообще, нужно признать, не очень-то он смахивал на пассажирское судно.

– Н-да… Судя по всему, это не «Титаник». И не «Жорж Филиппар». Буду подавать рекламацию, – наконец вынесла свой вердикт она.

– Я тоже надеюсь, что не «Титаник», – заявил Вася. – Хотя отсутствие айсбергов гарантировать не могу.

По странному стечению обстоятельств вчера вечером, по агентурным сведениям Васи, в бильярдной смотрели именно «Титаник» с Леонардо ди Каприо, – там был установлен видеомагнитофон, а один из пассажиров, губернатор маленькой области на северо-западе, прихватил с собой целую коллекцию видеокассет.

– Ну ладно, пойдемте, – вздохнула Клио.

И первой поднялась по трапу. Мы потянулись за ней.

* * *

Я валялась на койке и пыталась читать прихваченного из Москвы Мелвилла[1] (его «Моби Дик» я нашла самой соответствующей случаю книгой), а Вадик ходил из угла в угол. Было видно, что чертова Клио произвела на него неизгладимое впечатление и не шла ни в какое сравнение с его безработной женой, которую я мельком видела в аэропорту (меньше всего она была похожа на пиранью, скорее на безмятежное парнокопытное).

– Ты можешь не мелькать? – наконец не выдержала я.

– Как она тебе? – наконец не выдержал Вадик.

– Кто?

– Да Клио!

– Ничего особенного. – Я мстительно улыбнулась. – Обыкновенная шлюха. Провокаторша. Поп Гапон в юбке.

Здесь я погрешила против истины – Клио явилась нашему взору не в юбке, а в разгильдяйских кожаных брюках а-ля Дженнис Джоплин.

– Ты думаешь?

– Вадик, будем смотреть правде в глаза. У тебя нет никаких шансов.

[1] Герман Мелвилл (1819–1991) – американский писатель *(здесь и далее прим. авт.)*.

Вадик вздохнул и бросился к зеркалу у умывальника. Зеркало, почему-то заключенное в претенциозно-вычурную раму, было единственной достопримечательностью нашей спартанской каюты. Единственной, если не считать неважнецкой репродукции картины Доу «Потерпевшие кораблекрушение», – самый необходимый атрибут для начала круиза, ничего не скажешь.

«Потерпевшие кораблекрушение» висели прямо над памяткой пассажирам на все случаи жизни. Простенькая отксерокопированная памятка никак не вязалась с обшитыми дубом стенами и простенками, затянутыми гобеленовой тканью, – легкомысленные райские птички, не имеющие ничего общего с суровой действительностью, которую и предрекал перечень стихийных бедствий в памятке. Самым невинным из них было наше совместное пребывание в одной каюте – до сих пор я не воспринимала Вадика как мужчину, и он платил мне той же монетой.

Вадик занимал верхнюю койку, мне же досталась нижняя. Кроме двухъярусной кровати, сколоченной из того же дуба, что и стены, и умывальника, в узкой каюте место нашлось только бельевому шкафчику, небольшому столу и паре стульев, привинченных к полу. На столе в низкой вазе, больше напоминающей дешевую пепельницу, стояли орхидеи с розовыми глянцевыми лепестками – прощальный жест Москвы, воздушный поцелуй туристической фирмы, отправившей нас сюда. И корабельные часы-будильник, стилизованные под рулевое колесо. Я сильно подозревала, что эта каюта (в то время, когда «Эскалибур» носил еще ничем не примечательное имя «Збруево») принадлежала кому-нибудь из мелких корабельных сошек – то ли мотористам, то ли рулевым матросам. Интересно, какие апартаменты достанутся Клио?..

Вадик тем временем яростно рассматривал в зеркале свою физиономию.

– Значит, никаких шансов, – повторил он мои слова, даже не поставив в конце вопросительный знак. – К тому же я забыл свою зубную щетку…

– У меня есть запасная, – успокоила я Вадика.

– У тебя повадки старой девы.

– Ты ведь женатый человек, Вадик, примерный семьянин, – мягко сказала я. – Что ты можешь знать о старых девах?

– Все. – Вадик потряс скошенным подбородком. – Я ведь женат на старой деве.

– Да? Кто бы мог подумать!

– Можешь не сомневаться. Старая дева – это мироощущение. Это образ жизни. Шерстяные трусы зимой и хлопчатобумажные лифчики летом. Моей жене даже в голову не приходит сделать педикюр. У тебя ведь тоже нет педикюра, правда?

– Правда, – запираться бессмысленно, ночью он вполне может заглянуть ко мне под одеяло с китайским карманным фонариком в зубах.

– Вот видишь! – Вадик снова уткнулся в зеркало, и в это время маленький радиоприемник, торчавший в нише у изголовья наших коек, чихнул и, кряхтя, донес до нас голос капитана: «Уважаемые господа! Капитан и команда приветствуют вас на борту «Эскалибура» и приглашают на торжественный ужин. Сбор в кают-компании корабля через сорок минут».

– Интересно, нас это касается или нет? – Вадик задумчиво потер подбородок. – Или по-прежнему будем столоваться в людской?

В первые дни своего пребывания на корабле мы обедали и ужинали в столовой для экипажа, но успели познакомиться только с одним из трех рулевых, флегматичным эстонцем Хейно, палубным матросом Геной и мотористом Аркадьичем. Хейно все время старался подсунуть мне перец, солонку и лишние бумажные салфетки, что было расценено Вадиком Лебедевым как изысканное чухонское ухаживание. А Гена и Аркадьич были обладателями таких разбойных физиономий, что я всерьез опасалась, как бы они со временем не подняли бунт на корабле. До сих пор мы не знали точного количества обслуживающих круиз людей. Старпом Вася сказал нам, что, помимо пассажиров, на корабле находится тридцать человек команды. Ровно в два раза больше, чем пассажиров, но это то минимальное количество, которое необ-

ходимо для поддержания жизнеобеспечения «Эскалибура». Обычно же на судах такого класса людей бывает в три раза больше.

В дверь каюты постучали – довольно деликатно.

– Открыто! – тонким голосом пискнул Вадик, не отходя от зеркала. – Открыто, входите!

Дверь каюты широко распахнулась, и на пороге появился молодой человек, которого до сегодняшнего дня я не видела ни разу. Как жаль, что я не видела его ни разу, иначе мне было бы чем занять свое воображение в оставшиеся до выхода в море дни. Широкие плечи молодого человека были втиснуты в парадную тужурку с надраенными пуговицами, а воротничок-стойка подпирал самый крутой и надменный подбородок, который я только видела в жизни. Молодой человек держал перед собой поднос, на котором лежал узкий длинный конверт.

– Нам почта? – спросил у молодого человека Вадик Лебедев.

Матрос раздвинул губы в улыбке и молча взял под козырек.

Вадик подскочил к двери, на секунду скрыв от меня восхитительный подбородок, и взял конверт с подноса.

– Вы свободны, голубчик, – сказал он молодому человеку надменным тоном промотавшегося аристократа.

Матрос снова козырнул и позволил себе улыбнуться еще шире. Только его глаза смутили меня, они никак не вязались с простецкой улыбкой и самодовольным подбородком, – чересчур цепкие, чересчур умные, моментально оценившие и название книги у меня в руках, и маленькую дырку на чулке, о которой я совершенно забыла. Я поджала ноги и ответила матросу такой же улыбкой. Интересно, где они вербовали экипаж, если на побегушках у них такие милые молодые люди? Но закончить анализ я не успела – Вадик захлопнул дверь и углубился в изучение содержимого конверта.

– Мы тоже приглашены, – наконец сказал он. – Столик номер три.

– Счастливое число.

– А форма одежды? – вдруг взволновался Вадик. Ко всем своим недостаткам он оказался еще и классическим занудой. – Нам ничего не сказали о форме одежды.

– А как ты думаешь? Первый ужин на корабле, две женщины, себя я не считаю, – одна иностранка, другая хуже чем иностранка. Плюс тринадцатилетняя дочка банкира, на которую дядя-оператор еще может произвести впечатление своей видеокамерой. Форма одежды парадная, милый мой. У тебя есть что-нибудь подходящее случаю?

– А у тебя?

– Я первая спросила. Но на всякий случай учти, что я могу поделиться только лишней зубной щеткой.

Два владельца-«апостола» турфирмы Петр и Павел не дали нам никаких указаний насчет торжественных ужинов в кают-компании, поэтому вещи в моей сумке слабо соответствовали моменту: два свитера, джинсы и спортивный костюм, остальной экипировкой, соответствующей убийству тюленей, нас обещали снабдить на корабле. Пока я размышляла об этом, в дверь каюты снова раздался деликатный стук.

– Опять вы? – сказал Вадик матросу, открывая дверь. – Мы даже соскучиться не успели. Что еще не слава богу?

– Капитан убедительно просил не опаздывать, – кротко сказал обладатель крутого подбородка, продолжая бесцеремонно разглядывать содержимое нашей каюты. – Он не любит, когда опаздывают. Дисциплина – его культ.

– Хорошо, мы будем вовремя. Спасибо за предупреждение.

Матрос снова козырнул и теперь уже сам закрыл дверь.

– Наглый тип, – не удержался Вадик. – Если вся команда такая – еще неизвестно, кого нужно отстреливать, несчастных ластоногих или этих красавчиков.

– Ты просто ревнуешь. К его подбородку.

Вадик счел за лучшее пропустить мое замечание мимо ушей.

– В кают-компании лучше всего появиться через тридцать девять минут. То есть за минуту до назначенного срока. Такая ненавязчивая пунктуальность поражает командный состав в самое сердце, – назидательно сказал Вадик. – К нам сразу же отнесутся с уважением.

Я с сомнением оглядела Вадика: одно вовсе не вытекало из другого.

– Пойду пройдусь, – сказала я.

– Так не забудь. Ровно через тридцать девять минут, – крикнул он мне вслед.

Я вышла из каюты в одном свитере: именно в нем я собиралась предстать перед высшим обществом корабля через сорок минут. Пардон, через тридцать девять…

…География корабля была для меня тайной за семью печатями, и в какой-то момент мне показалось даже, что я просто-напросто заблудилась в хитросплетениях корабельных переходов. Но спросить было не у кого – «Эскалибур» казался вымершим. Я вспомнила, что старпом Вася говорил нам о том, что команда на судне сокращена до минимума: людей было ровно столько, чтобы поддерживать основные службы корабля, не более того. А сейчас мне пригодился бы кто угодно, даже застенчивый рулевой Хейно: он без труда мог бы вывести меня наружу. Но, так никого не встретив по дороге и несколько раз споткнувшись о чересчур крутые трапы, я все-таки оказалась наверху.

Было довольно холодно, и я поняла, что долго в одном свитере не продержусь. На палубе горело несколько тусклых корабельных фонарей, отчего темнота вокруг выглядела совсем уж безнадежной: о небе над головой и воде где-то далеко внизу можно было только догадываться. В самой глубине «Эскалибура» шла какая-то неведомая мне жизнь, как будто бы его сердце билось – спокойно и тяжело.

Пошел снег, я подставила ему разгоряченное лицо. И долго стояла, закрыв глаза.

Через полчаса я увижу их всех. Тринадцать пассажиров, не считая нас с Вадиком.

«Тринадцать человек на сундук мертвеца и бутылка рому». Кажется, я произнесла эти слова вслух и даже немного испугалась своего голоса – таким неестественным он показался мне в абсолютной тишине. И потому закончила куплет пиратской песенки уже про себя: «Пей, пока дьявол не заберет тебя до конца, йо-хо-хо, и бутылка рому».

Но, очевидно, не только мне пришло в голову совершить моцион перед ужином и подышать свежим воздухом этим вечером. Совсем рядом я услышала приглушенный разговор. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-то нарушил мое уединение, и потому я отступила в тень, которую отбрасывал на палубу спасательный бот. И только потом сообразила, что и так останусь невидимкой для ведущих беседу. Так же, как и они останутся совершенно невидимыми для меня, – на палубе было слишком темно. Впрочем, спустя секунду я поняла, что говорит только один, – голоса второго я так и не услышала. Это был довольно странный разговор, начало которого я, занятая своими мыслями, пропустила.

– А ведь я вас узнал. – Конечно, это был старпом Вася, за два дня я хорошо запомнила его голос с легкой хрипотцой: в свободное от вахт время Вася бренчал на гитаре и неловко подражал Высоцкому. – Не сразу, конечно, но узнал. Сопоставил кое-какие фактики… Из нашего вчерашнего совместного времяпровождения. И продолжительной дружеской беседы. Что скажете?

Спутник Васи молчал, видимо, ему нечего было сказать. Старпом говорил задушенным голосом, почти шептал, но тишина и близость воды позволили мне хорошо расслышать каждое из сказанных слов. Они были почти ласковыми, но в них чувствовалась скрытая угроза.

– Я ведь сам начинал это дело когда-то… Город Питер, бывший Ленинград, девяносто второй год… Это вам о чем-нибудь говорит? Вижу, что говорит… Потом его, конечно, у нас забрали, сами понимаете, такие дела на другом уровне расследовались. А я им тогда очень увлекся, и даже когда из органов меня… Когда ушел… Долго еще материалы собирал, да и статейки вырезал специально. Вы же помните общественный резонанс. С последним вы тогда

просчитались, но не волнуйтесь, он даже точно описать вас не смог. Никто бы не смог… Но кое-что он все-таки рассказал. И об одной деталька, от которой никуда не спрячешься, которую ничем не выжечь, даже каленым железом. Вы вот наверняка вывеску подретушировали, если полностью не сменили. Только вывеска ваша была неглавной, ее и не запомнил никто… А вот деталька эта была главной. Можно сказать, единственной, которую запомнили. Вы, конечно, и про нее думали. Даже изящно все оформили, ничего не скажешь. Вы умный человек, сообразили. Даже тот, кто искать будет, не найдет. Для этого надо нюх иметь. И оч-чень чувствовать. Я вот сразу почувствовал… Спокойно-спокойно, не стоит горячиться, а то ведь я могу эту вывеску ненароком попортить.

Я и представить себе не могла, что симпатичный Вася может так развязно кому-то угрожать. А его собеседник (впрочем, его трудно было назвать собеседником) по-прежнему молчал.

– Очень меня это дельце в свое время восхитило. Четыре года всех за нос водили, рисково работали, да так и не попались, потрясающий вы человек, просто преклоняюсь перед вами, – не унимался Вася. – К тому же, если честно сказать, я на вашей стороне. Это, конечно, радикальный способ, но…

– Сколько? – наконец-то прорезался второй. Его голос больше был похож на шелест листвы, стертый, абсолютно лишенный интонаций. Не голос, а фантом голоса.

– Дельный разговор. – Вася хмыкнул и стал удивительно неприятен мне. – Поговорим, когда вернемся. Не будем омрачать путешествие, вы как думаете? Сумма потребуется значительная, ну, для вас, я думаю, это копейки. А для меня целое состояние. Нужно перебираться на материк да семьей обзаводиться, род, так сказать, продолжать. А то что-то застрял я в этой дыре, никакого просвета. Денег с гулькин нос, всего и богатства, что комнатуха в портовой общаге. Так бы и подох здесь, если бы не наша случайная встреча. Очень ей, представьте, рад. Правда, сначала, когда скумекал, что вы – это вы, даже дрожь прошла по позвоночнику. Испугался, представьте себе. А потом понял: мы с вами интеллигентные люди, так что всегда договориться можем. Вы как думаете?

Невидимый собеседник старпома молчал: видимо, он думал сейчас то же, что и я: разухабистый компанейский старпом Вася Митько – самый банальный, самый заурядный шантажист. Ничего себе страсти для респектабельного зверобойного судна! Я даже поежилась.

Не дождавшись ответа, Вася возобновил монолог. Теперь угроза в его голосе уже не была завуалированной, она становилась явной:

– А я, хоть и интеллигентный человек, со стволом не расстаюсь. Пять лет в зверобойной флотилии, приучился, знаете ли. У меня и табельное есть, я его не сдал в свое время… Прав оказался. Времена сами знаете какие. Я его под подушку кладу. Ну, это так, к слову. Меня вам опасаться не стоит, я – могила. Думаю, мы друг другу сможем помочь. И забудем обо всем навсегда. Вам ведь это как никому нужно, при ваших нынешних деньгах и положении, прав я или нет?

И снова визави старпома отделался глухим молчанием.

– Вот и ладушки, считайте, что договорились. А сейчас расходимся, буду рад увидеть вас на ужине, сегодня отличное меню. А если захотите еще воздухом подышать перед сном, водчонки треснуть в неформальной обстановке, – буду рад увидеть вас здесь же, часиков эдак в одиннадцать. Расскажу вам кое-что об охоте… На тюленей. Вы вообще когда-нибудь морского зверя били?.. Двуногих я в расчет не принимаю, хе-хе… Хлопотная, доложу я вам, работенка. Но ничего, Василий Митько всегда рядом будет, подстрахует, если что. И сам подстрахуется. С вами ведь шутки плохи, прав я или нет? Ладно, пойду. И вы не задерживайтесь. Удивительный сегодня вечерок получается, – прямо телевизионные встречи в концертной студии Останкино…

И спустя секунду послышались легкие шаги – старпом покинул палубу. Шагов его спутника я так и не услышала, возможно, он остался здесь, переваривать предложение ушлого старпома. Мне тоже необходимо было подумать обо всем том, что так случайно открылось мне в последние десять минут.

Старпом наверняка разговаривал с кем-то из пассажиров, это ясно как божий день. Ничего себе сюрпризики преподносит еще не начавшийся круиз! Один из тринадцати является обладателем какой-то постыдной и, возможно, страшной тайны. И, судя по всему, готов выложить за ее неразглашение кругленькую сумму. За последние пару лет я перевидала достаточно преступлений, пора вырабатывать к ним стойкий иммунитет. В любом случае, не стоит ввязываться в эту грязную интригу с вымогательством, в конце концов это не мое дело.

На борту «Эскалибура» собраны в некотором роде сливки общества, никто из них не будет глупо рисковать своей карьерой и положением в обществе. Мне безразлично, на сколько опустеет чей-то кошелек, мое дело маленькое, как раз на жалкую тысячу баксов: я отсниму эту чертову охоту на тюленей и забуду о ней навсегда… Кто-то из тринадцати был не очень законопослушен в своем прошлом… Интересно взглянуть ему в лицо, ведь, кроме абсолютно невзрачной реплики «Сколько», сыдентифицировать которую не представлялось возможным, он ничем не выдал себя. Нужно присмотреться, рядом с кем будет виться старпом сегодня за ужином, и попытаться вычислить этого человека, – просто так, для себя. Подкачать дряхлеющие мышцы психоанализа. Себе в удовольствие.

Ай да Вася, ай да сукин сын.

Я даже улыбнулась в темноту и только теперь поняла, что почти окоченела на стылой палубе. Несколько минут я вслушивалась в тишину «Эскалибура», пытаясь уловить малейшее движение в темноте. У меня напрочь отсутствовало обоняние по причине чрезмерного увлечения сигаретами, но все это компенсировалось почти абсолютным слухом.

Ничего подозрительного. Только механическое сердце «Эскалибура» бьется о грудную клетку корпуса. Наконец-то я решилась выйти из своего убежища, подошла к борту и ухватилась за леера ограждения. Холод, пронзивший ладони, сразу же отрезвил меня. И все поставил на свои места. Пора спускаться вниз, на ужин. А чья-то тайна останется здесь стыть на морозе. Быть может, я еще навещу ее. До одиннадцати часов масса времени. Почему-то я была абсолютно уверена, что загадочный собеседник Васи откликнется на его ленивую, почти необязательную просьбу…

Одиннадцать часов. Одиннадцать часов.

Твой круиз начинается с чьей-то тайны, Ева…

* * *

…Я столкнулась с Вадиком у самых дверей кают-компании. Он одобрительно посмотрел на меня: не опоздала, теория тридцати девяти минут прочно засела у тебя в мозгу, голубка! Мой же собственный взгляд такой одобрительностью не отличался: непонятно, из каких соображений Вадик прихватил с собой видеокамеру.

– Как прогулялась? – спросил он.

– Отлично, – промямлила я, медленно отходя от холода верхней палубы. «Отлично» – не то слово, если учесть подслушанный мною разговор.

– Тогда вперед, – подбодрил себя и меня Вадик и толкнул дверь.

…Почти все пассажиры, за исключением нескольких человек, были в сборе. Первым, кого я увидела, оказался тот самый матрос, который принес нам конверт. Я улыбнулась ему как старому знакомому, и он ответил мне такой же вежливой улыбкой.

– Столик номер три, – сказал Вадик матросу, и тот проводил нас, продолжая улыбаться. За ним уже сидели банкир и его тринадцатилетняя дочь, Карпик. На шее Карпика болтались наушники от плейера.

– Добрый вечер, – приветливо сказала я, перенося свою улыбку с матроса на девочку.

– Добрый вечер, – ответил банкир, вертя в крупных пальцах накрахмаленную салфетку. На нас он даже не взглянул.

– Судя по всему, мы будем соседями. – Молчать было совсем уж глупо, во всяком случае неудобно, и я попыталась навести мосты. – Меня зовут Ева.

Банкир никак на это не отреагировал, а девочка иронически посмотрела на меня. Это был такой взрослый взгляд, что я внутренне подобралась.

– Женщины не должны представляться первыми, – назидательно сказала она, – разве вы не знаете правил этикета?

– Лара! – мягко попенял банкир, обращаясь к дочери. – Я же просил тебя…

– Ничего, ничего. Она права. – Я заступилась за Карпика, которая совершенно беспардонно рассматривала меня и оператора.

– Не очень-то вы похожи на Еву, – наконец сказала она.

– Вот как? – Я даже сразу не нашлась, что ответить, во всяком случае, соседство с такой непосредственной девочкой обещает множество сюрпризов. Самыми безобидными из которых могут быть сахар в рагу и соль в шерри-бренди. – А на кого же я тогда похожа?

– Еще не придумала. Но, если придумаю, обязательно вам скажу. А это мой папа, и вы ему не очень понравились, я сразу это поняла.

– Лариса! – уже строже сказал отец и даже легонько пристукнул кулаком по столу. – Прекрати немедленно. Простите ее, ради бога… Ева, кажется, так?

– Да. – Приглушенный тон всепрощающей светской львицы давался мне с трудом, больше всего мне хотелось ухватить девчонку за маленькое розовое ухо. – А это Вадим, наш оператор. Мы будем снимать весь круиз. Что-то вроде рекламного ролика.

– Очень приятно. Валерий Адамович Сокольников, – запоздало отрекомендовался банкир. – А это моя дочь, Лариса.

– Не очень-то ты похожа на Ларису, – сказала я девчонке, испытывая чувство легкого торжества от возможности вернуть ей ее же хамоватую реплику.

– Я знаю, – отрезала она и чуть приподняла нижнюю губу, на секунду прикрыв ею верхнюю. И я поняла, почему отец называет ее Карпиком: с приподнятой нижней губой она действительно стала похожа на рыбку. Не очень симпатичную, нужно сказать.

Мужчины, чтобы хоть чем-то занять себя, принялись обсуждать достоинства профессиональных камер вообще и видеокамеры Вадима в частности, а мы с Карпиком не отводили взгляда друг от друга. Пройдет еще пара-тройка лет, и ты будешь страдать от собственной внешности, сладко думала я, и даже миллионы отца тебе не помогут. Слишком большой лоб, слишком маленькие глаза, – даже их цвет определить невозможно, – слишком узкие, слишком взрослые губы – никакой детской припухлости. Да и тонкие волосы тускловаты, что всегда унизительно для женщины. Для будущей женщины. Но, странное дело, чем дольше я рассматривала Карпика, тем больше мне хотелось на нее смотреть, – не так часто в природе встречается такая воинственная, такая безоглядная некрасивость. В ее возрасте я тоже была некрасивой, я была некрасивой и когда повзрослела. Но моя некрасивость была ничем не примечательной. Карпик – совсем другое дело. Эта проклятая девчонка смотрит на мир с вызовом и никогда первой не отведет взгляда. И я сдалась, я признала себя побежденной и опустила глаза. К счастью, моя капитуляция совпала с фаршированной телячьей грудинкой – первым, поданным на стол блюдом торжественного ужина. Его разносили два матроса, по совместительству, видимо, исполняющие роль стюардов; одного из них, своего старого знакомца со сногсшибательным

подбородком, я посчитала отличным гарниром к грудинке. «Приятного аппетита», – шепнул он всем нам сразу и отправился обслуживать другие столики.

Всего столиков было пять, по четыре человека за каждым, следовательно, ужин в кают-компании был рассчитан на двадцать человек: пятнадцать пассажиров и пять членов команды, составляющих сливки экипажа: старпом Вася, капитан «Эскалибура», два первых его помощника и старший механик. Два помощника капитана показались мне маловыразительными, зато капитан имел внешность морского волка и вполне мог исполнить одну из ролей в оперетте Дунаевского «Вольный ветер». Соответствующую либретто, конечно: хорошо вычесанная седая борода, волнами наступающая на бронзовую от зимнего загара кожу. Мохнатые брови, глубоко посаженные глаза, крупный нос – ничего неожиданного в этом лице тебя не ждет. Музыка, звучащая в кают-компании, никак не вязалась с капитаном, – легкие фортепианные аккорды, более соответствующие Малому залу Консерватории.

Я сразу же нашла глазами старпома. У него было совершенно безмятежное лицо, ничего общего не имеющее с недавним разговором на палубе. Черт возьми, он отнюдь не выглядел шантажистом: в любом театре ему светило бы только амплуа простака, не больше. Старпом сидел за столиком с губернатором одной из северо-западных областей (вчера губернатор представился нам с Вадимом как Николай Иванович), непосредственной швейцаркой и ее спутником – русопятым парнем, который владел сетью шоколадных фабрик где-то в средней полосе России. Имени швейцарки я еще не знала, а своего спутника она мило звала по-французски – Андре. Очень характерное для франкоязычных кантонов имя.

Андрей, стало быть.

– Господи, что за тягомотина? Кусок в горло не лезет, – выразил свое неодобрение музыкальному вкусу капитана Вадик Лебедев.

– Это Шопен, – надменно сказала Карпик. – Анданте Спианато и Большой блестящий полонез. Исполняет Владимир Горовиц. Вам правда не нравится?

Вадик моментально покраснел и уткнулся в тарелку с салатом. Я пнула ногу Вадика под столом, – так-то, продвинутый интеллектуал, с этой девчонкой нужно держать ухо востро, иначе попадешь в пикантную ситуацию. Вадик пнул меня под столом не менее сильно, – не твое дело, сам знаю, как эту тринадцатилетнюю тварь окоротить.

– Шопен – не мой композитор, деточка.

– А ваш, наверное, Аркадий Укупник, – высказала предположение маленькая бестия.

Вадик хмыкнул и воззрился на отца Карпика, как бы ища у него поддержки. Помощь не замедлила прийти.

– Сколько раз я говорил тебе, Лара, не разговаривай так со взрослыми. Ты не у себя в интернате. – Как строгий отец Валерий Адамович был выше всякой похвалы.

– Хорошо, папа. Пожалуйста, папа, – кротко сказала девочка, откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

– Ешь, смотри сколько всего. И все очень вкусное.

– Спасибо, я не голодна. Может быть, чуть попозже. От десерта я не откажусь, если он будет, – и Карпик демонстративно натянула наушники. И даже прикрыла глаза от удовольствия.

– Забавная у вас девочка, – сказала я банкиру.

– Да уж, – поддержал меня Вадик, посрамленный незнанием творчества Шопена.

– Простите ее, ради бога, – тихо ответил банкир. – Это я во всем виноват, совсем нет времени заниматься ребенком. Я ведь один ее воспитываю, ее мама умерла десять лет назад. Мы впервые проводим так много времени вместе… Впервые. У вас есть дети?

– Двое мальчишек. – Вадик самодовольно улыбнулся. – Близнецы.

– Вам легче… – Банкир понизил голос. – Лара несколько лет училась в Англии. Я думал… Я хотел дать ей хорошее образование, ее мать всегда об этом мечтала. Но Лара не захотела там оставаться, сказала, что ей скучно и англичане ей не нравятся.

– Они и сейчас мне не нравятся. – Карпик сказала это так громко, что все мы вздрогнули. – А вообще, папа, совершенно необязательно рассказывать обо мне первым встречным.

Валерий Адамович вспыхнул. Слишком раним и совершенно не справляется со своей дочерью, констатировала я. Интересно, как при таком деликатном характере он подчиняет себе банковские структуры?..

– Думаю, мы не первые встречные. – Я постаралась быть рассудительной. – Мы теперь соседи по столику и в ближайшие две недели будем часто встречаться. Возможно, даже подружимся. Ты не против?

– Папа, положи мне салат, пожалуйста. – Карпик пропустила мою тираду мимо ушей.

Банкир исполнил просьбу дочери, и последующие несколько минут все были заняты едой. А я с любопытством рассматривала остальных гостей кают-компании.

За столиком, рядом с музыкальным центром, восседали два полукриминальных типа: их внешность, как никакая другая, подходила для стенда «Их разыскивает милиция». Или для подслушанного мною разговора. Оба братка приехали вчера днем и привезли с собой целый арсенал для охоты на тюленей. Этот арсенал вполне мог составить счастье небольшой преступной группировки. Их одиозную компанию слегка разбавили юный нападающий НХЛ Виктор Мещеряков, прозванный «московской торпедой», и Арсен Лаккай, лидер одной из крохотных столичных партий либерального толка. Несколько раз Лаккай появлялся на телеэкране в заседаниях «Пресс-клуба» и успел зарекомендовать себя как ярый сторонник либеральных реформ в стране. Его вполне прозападная благообразная физиономия и поджарая фигура удачно контрастировали с отяжелевшими тушами демократов первой и второй волны, – может быть, именно по этой причине партия Лаккая в последнее время набирала очки у вузовской профессуры, менеджеров компьютерных фирм и заведующих библиотечными коллекторами.

Но самым интересным представлялся мне последний, еще не полностью укомплектованный столик. Пустующее до сих пор место наверняка принадлежало Клио, которая даже не подумала появиться вовремя. Я представила, как все тот же роскошный морячок принес ей поднос с конвертом и настоятельно попросил не опаздывать, – и даже почувствовала легкий укол ревности: чертова кукла Клио вполне может закрутить роман с этим морячком, она может закрутить роман с кем угодно. С любым из трех своих соседей по столу, импозантные мужчины, ничего не скажешь. Они приехали на «Эскалибур» ночью, и я еще ни разу не видела их. Двое были явно знакомы и тихонько переговаривались: один из них был постарше, он стойко держался в районе пятидесяти пяти, возрасте самом подходящем для солидного мужчины. Если бы не безвольный рот, его даже можно было назвать красивым: грива седых волос, ухоженные баки и аккуратно подстриженные усы. Его спутник выглядел совсем мальчишкой, типичный азиат из хорошей семьи и с хорошей родословной. Я так засмотрелась на него, что даже не заметила, как нам сменили блюда. Такую красоту можно показывать за деньги, чтобы сколотить себе капиталец на безбедную старость. Я первая внесу аванс – уж очень хороши летящие брови и большие миндалевидные глаза. И оливковая кожа, и твердо очерченные губы. И маленькая, почти женская, родинка на щеке. Но вместе с тем в молодом человеке было нечто глубоко порочное, как будто что-то подтачивало изнутри и темные, уставшие от поцелуев губы, и миндалевидные глаза.

В конце концов, абсолютная красота всегда порочна, сказала я сама себе, успокоилась и перевела взгляд на третьего за столиком – вот тот самый ландшафт, на котором может отдохнуть глаз неизбалованного жителя городской окраины: толстый, добродушный, абсолютно лысый человек с самой незатейливой, но располагающей внешностью. Отсутствие волос на голове полностью компенсировала окладистая борода попа-расстриги. Такой внешностью

обладают адвокаты, агенты по продаже недвижимости и врачи-гинекологи. В любом случае, этот толстый поп-расстрига довольно состоятельный человек, иначе никогда не оказался бы на борту «Эскалибура».

…Клио явилась только к кофе – она могла себе это позволить. Она и хотела этого, теперь все взоры в кают-компании были устремлены на нее. А порочный азиат даже вскочил со своего места и отодвинул стул. Клио поблагодарила его царственным кивком головы и так же царственно села. Парад-алле, ничего не скажешь, мегазвезда в условиях, приближенных к боевым. Даже ее изящно подбритый затылок жил своей жизнью и напропалую кокетничал со всей кают-компанией. Ни у кого столь позднее появление нагловатой пассажирки не вызвало возмущения: ни у кого, кроме капитана и седого спутника азиата, которые состроили одинаково унылые физиономии. Сдержанная ярость капитана была мне понятна («Дисциплина – его культ», сказал нам с Вадиком роскошный морячок), ну а насчет реакции хорошо воспитанного седого господина… Должно быть, его отношение к красавцу-азиату несколько сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Присутствие Клио почему-то раздражало меня, и я вздохнула с облегчением, когда ужин закончился и капитан пригласил всех в бильярдную. Для более близкого знакомства, так сказать. Голос у капитана был таким же впечатляющим, как и внешность, он соответствовал всем самым дерзким представлениям любителей Джека Лондона.

Первой в бильярдную отправилась Клио. Ее сопровождал почетный эскорт из двух братков и до сих пор не окольцованной «московской торпеды» Виктора Мещерякова. Карпик, вяло ковырявшаяся в тарелке с творожным пудингом («Специально от нашего кока вашей девочке», – сказал роскошный морячок), проводила певицу равнодушным взглядом.

– Beast, – тихо сказала она себе под нос, комментируя уход Клио. – Fuck You!

«Сука, мать твою», – машинально перевела я: мой скромный, взращенный на синхронных переводах фильмов Квентина Тарантино английский вполне позволял это сделать. Надо же, какой выброс эмоций, ничего другого от малолетней любительницы Анданте Спианато и ожидать не приходится. Должно быть, Карпик не зря куковала в благословенной Англии, коечему она там все-таки научилась. Если так будет продолжаться и дальше, то за две недели можно будет услышать от нее и весь остальной скудный набор английских ругательств.

– Знаешь, девочка. – Я поставила локти на стол и нагнулась к Карпику. – Не стоит прибегать к английскому. По-русски это звучит более выразительно. Поверь мне.

– Вы всегда подслушиваете, о чем говорят другие? – Мое замечание нисколько не смутило девчонку.

– Иногда. Иногда я даже могу подслушать, о чем они думают.

– Ну, и о чем я сейчас думаю? – со жгучим интересом спросила она.

Здесь мы с Карпиком оказались невольными сообщницами, – Клио так же активно не нравилась ей, как и мне. Я была лет на восемь старше Клио, Карпик – на те же восемь лет моложе. Но у нас с ней не было никаких шансов, никаких. Маленькая некрасивая хромоножка и взрослая седая женщина, почти полностью утратившая былую красоту и навсегда махнувшая на себя рукой.

– О чем ты думаешь? Об этой суке-певичке, подумаешь, стриженый череп, сплошное издевательство над здравым смыслом. Дать бы ей пинка под зад, меньше бы выпендривалась, – с наслаждением сказала я, озвучивая свои собственные мысли.

– А вот и неправда. Ты ошиблась. – Я не оправдала ее ожиданий, и Карпик сочла возможным перейти на снисходительное «ты».

– Да? – Я была искренне удивлена.

– Я думала об этих гомиках.

– ?! – Я даже опешила от подобного заявления. Но, взяв себя в руки, вежливо спросила: – Каких гомиках? Что ты имеешь в виду?

– Эти двое. Молодой парень и тот, седой. Седой его содержит, видела, как он на него смотрел? Даже мой папа так на меня никогда не смотрит, а папа меня очень любит. Правда любит, – с вызовом сказала Карпик. – И все для меня делает. Только он много работает… Пойдем, Ева. Можно, я буду звать тебя Евой?

– Да, конечно, – машинально ответила я.

– А ты зови меня Карпиком. Меня так папа зовет…

– Хорошо, Карпик.

Вместе мы покинули кают-компанию. Карпик, чуть подволакивая левую ногу, независимо шла впереди. Я смотрела на ее узкую спину и думала о том, что меня ждет еще не одно открытие, связанное с проницательностью Карпика. А ведь она, пожалуй, права насчет азиата. Ведь именно так выглядят профессиональные альфонсы. Миндалевидные глаза с червоточинкой – их непременный атрибут. Их хорошо подретушированная визитная карточка.

А вообще ужин прошел в теплой и дружественной обстановке, ничего не скажешь.

И кто-то из тринадцати кротких доброжелательных пассажиров поднимется на верхнюю палубу в одиннадцать.

Интересно, кто?..

* * *

Мы с Карпиком вошли в бильярдную последними, и наш приход остался совершенно незамеченным, – не то что появление Клио в кают-компании. Два братка уже вооружились киями и оседлали бильярдный стол. Они довольно эффектно гоняли шары и искоса поглядывали на Клио, стараясь произвести впечатление.

Клио отнеслась к искусству братков более чем равнодушно: она покуривала свою скандальную трубочку и снисходительно слушала мрачно хихикающего попа-расстригу. Очевидно, он рассказывал певице какой-то анекдотец и чувствовал себя наверху блаженства. Я устроилась в глубоком кожаном кресле, в самом темном углу бильярдной.

– Как тебе этот тип? – с ненавистью спросил у меня подошедший Вадик и кивнул головой в сторону толстяка.

– А что?

– Скажешь, у него больше шансов, чем у меня?

– Все зависит от того, кто он такой.

– Прощелыга-адвокат, я узнал у Васи.

Браво, Ева, своей проницательностью ты можешь поспорить с несовершеннолетней Карпиком, уроки психофизики, преподанные в свое время капитаном Лапицким, не прошли даром.

– Что ты говоришь! – лениво удивилась я.

– Зовут Альберт Венедиктович, надо же.

– Звучит гораздо более убедительно, чем «Вадик Лебедев», ты не находишь?

– Пошла к черту, – огрызнулся Вадик и решительно направился к Клио и Альберту Венедиктовичу, на ходу шевеля губами: очевидно, проговаривал про себя засаленный скабрезный анекдот. Жаль, что я не успела спросить Вадика, где же сам Вася, – он исчез сразу же после ужина.

Предоставленная сама себе, я внимательно разглядывала бильярдную. Пожалуй, именно ее можно было с полным правом назвать кают-компанией. Стены бильярдной были обшиты красным деревом и увешаны несколькими вполне сносными картинами на морскую тему. В противоположном от меня углу, над тускло поблескивающей видеодвойкой, парил макет парусника. Отсюда он выглядел вполне респектабельно. Как и скромное фортепиано с закрытой сейчас крышкой или большие напольные часы с боем.

Бильярдная была довольно внушительных размеров, и бильярдный стол занимал в ней отнюдь не центральное место. Скорее это можно было отнести к огромному морскому глобусу, возле которого сейчас терлась Карпик в компании с азиатом. Они были совсем близко, и я без труда услышала их разговор.

– Найди мне, пожалуйста, Брайтон, – попросила Карпик юного альфонса.

– Брайтон-Бич, что ли? – судя по всему, тот не блистал особым интеллектом, но даже это не портило его.

– Да нет, – Карпик была сама кротость, – Брайтон, графство Восточный Суссекс. Я там училась два года.

– Надо же! И как тебе показался Восточный Суссекс?

– Отвратительное место. Меня зовут Лариса.

– А меня – Мухамеджан. – Обладатель экзотического имени улыбнулся Карпику самой обворожительной улыбкой: в мягкой полутьме бильярдной блеснули его крупные, восхитительно белые зубы.

– Очень приятно, но запомнить это будет трудно, – рассудительно сказала Карпик.

– Тогда можешь звать меня Мухой. Меня все так зовут.

– И твой друг тоже? – Вопрос Карпика был слишком невинным, чтобы не разглядеть в нем подтекста.

– Друг? – Муха почувствовал подвох и насторожился.

– Тот, седой. С которым вы сидели за одним столом.

– Борис?

– Ага.

– Но тебе не стоит называть его Борисом. Борис Иванович, так будет справедливо.

– А почему ты зовешь его Борисом? Он ведь почти старик.

Муха наморщил свой безмятежный лоб.

– Потому что мы компаньоны и работаем в одной фирме. Оргтехника и комплектующие для компьютеров. В общем, взрослые штуки, которыми не стоит забивать голову таким милым девочкам, как ты.

– Да? – умница Карпик проницательно улыбнулась, подумав, очевидно, то же, что и я: Муха не может иметь отношения ни к какому бизнесу, кроме бизнеса определенного рода.

– Именно.

– Вообще-то все друзья зовут меня Карпиком. Ты тоже можешь так меня называть, Муха. – Девчонка решила подружиться не только со мной, а юный альфонс Муха вполне сгодится в наперсники на первое время. – Я живу в двенадцатой каюте. А ты в какой?

– В двадцать третьей. Это по правому борту.

– С этим самым Борисом Ивановичем? – Карпик была сама невинность.

Муха ничего не ответил, а лишь легонько щелкнул Карпика по носу: много будешь знать – скоро состаришься. Со стороны они выглядели даже забавно: писаный красавец Муха и дурнушка Карпик. Но, удивительное дело, красота одного и некрасивость другой замечательно друг друга дополнили. На секунду они даже показались мне братом и сестрой, несчастными сиротками. Ты становишься сентиментальной, Ева…

Из задумчивости меня вывел голос капитана. Прожженный морской волк принялся объяснять сосункам-новобранцам план действий на ближайшие несколько дней. Сосунки потягивали спиртное из низких стаканов и слушали капитана вполуха. В конце концов, они заплатили довольно много денег, чтобы обойтись без утомительных инструкций. Общий пафос речи капитана «Эскалибура» сводился к следующему: завтра, в одиннадцать утра, судно снимается с якоря и уходит в открытое море. Перед уходом «Эскалибур» посетит пограничный наряд, такова морская практика, и ничего тут не попишешь. Все огнестрельное оружие, находящееся на борту, будет собрано в арсенале и опечатано, – до тех самых пор, пока корабль не прибудет

в квадрат охоты (в этом месте капитан особенно выразительно посмотрел на братков, которые по-прежнему лениво катали шары, прерываясь только на кубинский ром). Переход займет два дня, о мерах безопасности на корабле будет проведена дополнительная лекция. А второй помощник сразу же после завтрака проведет ознакомительную экскурсию по основным службам корабля. Завтрак по корабельному расписанию в восемь ноль-ноль, настоятельная просьба не опаздывать (в этом месте капитан особенно выразительно посмотрел на Клио, которая по-прежнему попыхивала трубкой, прерываясь только на джин с тоником). На завтрак вас пригласят по радио. А теперь разрешите откланяться, господа хорошие.

Капитан покинул бильярдную, следом за ним потянулись наиболее нестойкие пассажиры. Очень скоро в каюте осталось всего лишь несколько человек, включая Клио и загадочную швейцарку. Карпик с отцом тоже отправилась спать, настоящая пай-девочка. На прощание она подмигнула мне и послала воздушный поцелуй Мухе. Я приветливо помахала ей рукой, а Муха ответил таким же воздушным поцелуем.

– Капитэн ле манифиг! – услышала я совсем рядом с собой низкий грудной голос и даже вздрогнула от неожиданности. – Ви?!

Загадочная иностранка, в неподражаемом мешковатом комбинезоне, протянула мне низкий бокал с коньяком. Я взяла коньяк и улыбнулась ей самой лучезарной улыбкой, на которую только была способна.

– Она говорит, что этот бородатый чертяга капитан просто великолепен, – тотчас же перевел нарисовавшийся вслед за иностранкой владелец шоколадных фабрик.

– Да-да, конечно.

– Аника, – так же весело представилась швейцарка и ткнула себя пальцем в грудь.

– Ее зовут Аника. С ударением на последнем слоге, – снова вмешался шоколадный король. – Это наше свадебное путешествие.

– Андрэ! – Аника засмеялась и положила тонкие пальцы на губы своему спутнику.

– Ева, очень приятно.

– О! Ева! Ле манифиг! Я оштень плехо говорью по-русски, ви? Андрэ обещаль мне страшный звьерь, охота ле манифиг! Я буду говорьить с вами по-русски…

Мы чокнулись. Швейцарка Аника сразу же понравилась мне. В отличие от Клио. Она была непосредственна, как и все иностранцы, и спустя десять минут, не без помощи ее благоверного, я знала об Анике почти все. Или почти все. Она родом из Монтре, изучала славистику в Сорбонне, в прошлом году приехала в Москву на стажировку, там же познакомилась со своим будущим мужем. Ей не очень нравится корабельный коньяк, она предпочитает молодое вино («вин нуво»), а также очищенную водку («э дэ ви»), а также полусухое («дэми-сек»). Ужин был великолепен («ле манифиг»), вот только не хватало салата из креветок («креветтез, а ля майонез»). И супа из спаржи («суп а эспергейз»).

Самая симпатичная гурманка из тех, кого я когда-либо знала.

А Аника все продолжала рассказывать о себе и о своем муже. Ле манифиг, ле манифиг, ле манифиг. «Я всьегда зналь, что мари… как это есть? Вийду замуж за рюс… Русского, ви?..»

Аника действительно была обворожительной, даже неуклюжий комбинезон шел ей и три теплых свитера, натянутых друг на друга. Мы расстались почти друзьями, и на прощанье Аника подарила мне крошечный брелок в виде слоника из сандалового дерева («Ми биль в Таиланде, этот элефант ми купиль там!») и пообещала научить игре в бридж. Так что утомительные двое суток перехода можно провести со вполне ощутимой пользой. Бридж и разгадывание чужой грязной тайны (не забыть об одиннадцати часах, не забыть и подняться на палубу) – чем не отличное времяпровождение?..

Через полчаса в бильярдной остались только мужчины призывного возраста, из тех, кто так или иначе хотел заполучить секс-бомбу Клио. Дрогнули только Борис Иванович с Мухой (им было чем заняться помимо певички) и привыкший к жесткому спортивному распорядку

хоккеист Мещеряков. Все остальные наперебой распускали перья и старались подать себя в лучшем виде. Но Клио была цинично-нейтральна и никого из свиты не выделяла.

Или пока не выделяла.

Да, мужички, придется вам попотеть, чтобы заслужить благосклонность этой стервы. Или вырвать у нее поцелуй где-нибудь между радиорубкой и машинным отделением.

От душных мужских ухаживаний, призванных заарканить эффектную самку Клио, поскучнела даже я. Только мысль о шантажисте-старпоме и его таинственном спутнике удерживала меня в бильярдной: нужно выждать, пока кто-нибудь из наиболее вероятных претендентов на должность преступника-хамелеона не покинет бильярдную.

Обитатели пассажирских кают «Эскалибура» в общем и целом понравились мне. Или, скажем так, они были мне любопытны. Все или почти все, за исключением двух братков (по причине полной криминализации их носогубных складок), губернатора Николая Ивановича и либерала Арсена Лаккая (их излишняя политизированность была мне глубоко чужда). Клио я отнесла к стихийному бедствию и потому решила ее не замечать: живут же люди в сейсмически опасных районах! Карпик и Муха – забавные милые зверюшки, отец Карпика – милый человек, спутник Мухи – милый человек. Аника – откровенная милашка, и ее ломаный русский призван утеплить суровый корабельный сюжет, как же иначе. Ее муж хотя и немного сладковат (шоколадный король, иначе и быть не может, издержки профессии!), но тоже вполне мил. У хоккеиста Мещерякова очаровательный шрам над верхней бровью, а у преуспевающего адвоката Альберта Венедиктовича очень милая борода.

Сообщество милых людей, ничего не скажешь.

Интересно, как все эти милые люди согласились на убийство несчастных тюленей? И даже привезли с собой вооружение. Нет на вас Брижит Бардо, защитницы попранных прав животных. И кто из них был спутником старпома?..

Женщин и детей можно отмести сразу, равно как и Мухамеджана, семь лет назад – кажется, Вася говорил о семилетнем сроке давности – ему было максимум четырнадцать… К этой же легкой весовой категории относится и мой оператор (безобидная инфузория туфелька, работающая под псевдонимом «Вадик Лебедев»). А также хоккеист Мещеряков, ровесник если не субтильного Мухи, то, во всяком случае, Клио. Следовательно, остается восемь человек.

…Я покинула бильярдную без трех одиннадцать, оставив там только двух братков, которые не выказывали никаких признаков беспокойства. Хотя почему я так уверена, что спутник старпома обязательно окажется на палубе? Ведь он не сказал Васе Митько ни «да», ни «нет».

Он вообще ничего не сказал.

…На палубе не было никого. Я постояла в тени под спасательной шлюпкой: на том же месте, с которого слышала разговор. И только спустя пятнадцать минут, окончательно замерзнув, решилась выйти из своего убежища. Стараясь выглядеть как можно более беспечно (мадам дышит свежим воздухом, что же здесь такого?), я подошла к борту. Ты – режиссер-монтажер, нанятый турфирмой, для съемок экзотической охоты на тюленей, не больше. Делай свое дело и не влезай в дела чужие.

Всяк сверчок знай свой шесток.

Когда-то ты уже пробовала вмешаться, разоблачить, наказать, воздать по заслугам, – и всегда это оборачивалось крахом, всегда это приводило к самым непредсказуемым последствиям. На этом и остановимся. И отправимся баиньки.

Кто-то опустил руку мне на плечо. Это было так неожиданно, что у меня подогнулись колени. Я вздрогнула и даже издала приглушенный стон.

– Простите, я испугал вас? – за моей спиной стоял отец Карпика, преуспевающий банкир Валерий Адамович Сокольников.

– Нет-нет. – Я устыдилась своего малодушия и зябко передернула плечами. – Даже не думала, что в конце апреля может быть так холодно.

– Вы давно здесь?

Невинный на первый взгляд вопрос банкира застал меня врасплох, и я еще крепче вцепилась в леера. Зачем он об этом спрашивает? Какая ему разница, как давно я стою на палубе?

Или?..

Или он и был невидимым спутником старпома Васи? И теперь ждал его так же, как ждала его я? И сколько он ждал? Я даже не слышала, как ко мне подошел Сокольников, – и это при моем-то абсолютном слухе. Для того чтобы оказаться здесь, нужно открыть тяжелую, герметически закрывающуюся дверь, а с ней нужно повозиться: лязг дверных клиновых задраек поднимет даже мертвого. Но ничего подобного я не услышала, никакого движения, никакого намека на движение… А что, если Сокольников – если он был собеседником старпома – следил за мной? Если он заметил, что я подслушиваю, еще перед ужином?.. А теперь лишь укрепился в своих подозрениях? Ведь я появилась на палубе ровно в одиннадцать – не раньше и не позже…

– Да нет, – трусливо солгала я банкиру. – Вышла несколько минут назад подышать свежим воздухом… С этими дверями невозможно справиться. И с корабельными трапами тоже… Боюсь, у меня с ними будут сложности…

– Хочется верить, что только с ними, – просто сказал Сокольников.

Я втянула голову в плечи и еще крепче ухватилась за леера: никто не застрахован от того, чтобы не свалиться в черную пасть стоячей воды под бортом и остаться там навсегда. На кораблях, да еще с неопытными пассажирами, такое случается…

– Здесь не удержишься дольше минуты, и этот ветер… Прямо до потрохов пронзает. Я, пожалуй, пойду…

– А мне нравится здешний климат. Вот прогуливался по корме и думал о том, что хорошо бы остаться здесь навсегда, бросить к чертовой матери и Москву, и работу, поступить матросом на какой-нибудь сейнер или траулер. И ловить селедку иваси. Отличная перспектива, вы не находите?

Я находила, что мои собственные перспективы, если только Сокольников и есть тот таинственный незнакомец, выглядят не лучшим образом. И только волевым усилием заставила себя не сорваться с места и не побежать.

– Я хочу с вами поговорить, Ева. – Сокольников снял с себя плащ и набросил мне на плечи. – Вы не возражаете?

Неизвестно, к чему это относилось – к разговору или к плащу, изящно наброшенному на мои плечи, на всякий случай я утвердительно кивнула головой:

– Нет, не возражаю. Слушаю вас, Валерий Адамович.

– Вы запомнили мое имя, Ева. Очень приятно.

– Оно не такое уж сложное. Так о чем вы хотели со мной поговорить?

– Видите ли… Это касается моей дочери… Вы ведь с ней уже успели, – он щелкнул пальцами, подбирая подходящее слово, – успели подружиться.

– Ну, не знаю. Она очень своеобразная девочка. Мне она понравилась.

– Наверное, «своеобразная» – не совсем точное слово. Она удивительный маленький человечек… Знаете, я даже немного ее побаиваюсь.

– То, что она не по годам развита, видно невооруженным глазом, – польстила я банкиру.

– Я очень люблю ее… Карпик – единственное, что осталось у меня от ее матери. Я так и не женился после смерти Инги, хотя прошло десять лет… Вы заметили, что Карпик хромает? Последствия родовой травмы… Я заплатил бы любые деньги, но… Ничего уже нельзя сделать.

– Это совсем ее не портит, – дипломатично сказала я.

– Это слова мудрой взрослой женщины. Именно такой женщины Ларочке и не хватает. Старшего друга. Вы понимаете?

– Пока нет, – снова солгала я. Я отлично понимала, куда клонит банкир.

– Я хотел бы… Раз уж вы ей понравились… А вы действительно ей понравились… Я хотел бы, чтобы вы взяли шефство над моей дочерью. Это звучит смешно, да?

– Почему же?

– Просто уделяйте ей внимание, насколько это возможно. Вам не будет это в тягость, Карпик очень ласковая, очень мудрая девочка, нужно просто быть с ней естественной… Ей всегда не хватало общения. Всех нянек она выгоняла на третий день, только одна продержалась неделю, и то только потому, что была профессиональным психологом… А вы ее заинтересовали, я это видел.

– А почему вы сами… вы сами не займетесь дочерью, я поняла, что вы бываете вместе не так часто. Чем не повод попытаться навести мосты? Тем более, она так вас любит.

– Это сложный вопрос, – замялся Валерий Адамович. – Она слишком долго была предоставлена сама себе, а когда вернулась из Англии… Я как-нибудь расскажу вам, не сейчас. Она любит меня, но ей сейчас нужна подруга, вы понимаете?

– Для подруги я, пожалуй, старовата…

– Нет, что вы! – Сокольников так разволновался, что не заметил, как сжал мне локоть. – Я вижу, что вы глубоко порядочный человек.

– Польщена. – Я невольно улыбнулась.

– И потом… Я обязательно заплачу… За труды… Столько, сколько вы скажете, я понимаю, что общество тринадцатилетней девочки не всегда вызывает восторг, но…

– Вы предлагаете деньги глубоко порядочному человеку? Где же логика, Валерий Адамович? Не стоит говорить о деньгах. Я буду общаться с Ларисой, и, поверьте, с удовольствием.

– Спасибо.

– Только один вопрос.

– Слушаю вас.

– Зачем вы взяли ее с собой на эту дурацкую охоту на тюленей? Думаю, это не тот вид развлечений, который может понравиться тринадцатилетней девочке.

– Она сама настояла. Ей так хотелось поехать! Она даже не спала несколько ночей, после того как мы получили проспекты и сопроводительное письмо от фирмы. У нас ведь была масса вариантов – Полинезия, европейский Диснейленд, Ямайка. Она сама выбрала «Скорбное безмолвие тюленей»…

Даже в плаще Сокольникова я продрогла до костей. Пора было возвращаться в каюту, о чем я, мило улыбаясь, и сказала банкиру.

– Я провожу вас, – вызвался он.

– Не стоит. – Я все еще не доверяла тихому агнцу Валерию Адамовичу, а перспектива остаться с ним наедине в темных узких коридорах нижней палубы нисколько меня не прельщала. – Я доберусь сама. Тем более что мне нужно кое-куда завернуть…

Он легко сдался и не стал настаивать, лишь помог мне открыть тяжелую дверь. Она поддалась с чудовищным лязгом, и я еще раз уверилась в том, что выйти на палубу незамеченным просто невозможно.

– Какой у вас номер каюты, Ева? – спросил на прощание Сокольников.

– Даже не обратила внимания, – в третий раз за последние десять минут солгала я, трусливо поджав хвост. – Со мной такое случается… Завтра обязательно сообщу его вам.

– Тогда до завтра. А я еще прогуляюсь.

Вот-вот, самое время прогуливаться, в кромешной тьме, на пронизывающем ветру, – да вы настоящий стоик, Валерий Адамович! Я облегченно вздохнула только тогда, когда Сокольников растворился во мраке ночи. А теперь нужно спуститься вниз, натянуть на нос верблюжье одеяло и хорошенько обо всем подумать

Коридоры обеих палуб, в которые выходили пассажирские каюты, каюты старшего командного состава, бильярдная, кают-компания, маленький спортивный зал и прочие службы,

были застелены ковровыми дорожками с длинным ворсом. Это скрадывало шаги: вот она – питательная среда для тихих интеллектуальных преступлений, даже ботинки снимать не нужно, мрачно подумала я. С недавних пор «Эскалибур» – этот плавучий VIP-клуб, тихая заводь, задник для пьесы с участием сильных мира сего, – вполне мог стать мышеловкой для некоторых его пассажиров. Или уже стал: я вспомнила шантажиста Васю, который нахально требовал кусок бесплатного сыра.

Н-да, что-то здесь не в порядке. Или, выражаясь словами классика: «Подгнило что-то в датском королевстве…» Смрадный запашок имеет история, обрывки которой в интерпретации старпома я имела несчастье подслушать на палубе…

Возникшее невесть откуда ощущение опасности вдруг стало таким острым, что я не справилась с собой и прямо по стене опустилась на мягкий ворс ковра. Нужно посидеть так несколько минут, и все пройдет.

Все пройдет.

– Что с вами? – услышала я голос Клио и вздрогнула. Не хватало только, чтобы эта доморощенная топ-модель увидела меня в таком состоянии!

– Все в порядке. – Я быстро поднялась и только теперь заметила, что Клио не одна. За ее спиной стоял так понравившийся мне морячок, – так пленивший меня прихотливый подбородок, так поразившие меня умные глаза. Что ж, победитель получает все, как утверждал философски настроенный квартет «АББА». В том числе и этого херувима, этого Адониса, этого Персея, этого Аполлона Бельведерского.

– Ева, кажется? – Певичка проявила недюжинную память, снизошла к простой смертной.

– Именно, – тускло подтвердила я.

– Вам нехорошо?

– Просто устала. Перебрала впечатлений.

Клио хихикнула: знаем мы, каких впечатлений ты перебрала, меньше нужно коньяк с экзальтированными швейцарками трескать!

– Если вы плохо себя чувствуете, Роман вас проводит. Правда, Ромик?

Ага, уже Ромик, оперативная работа, ничего не скажешь, термоядерное совокупление и крепкие мужские ягодицы, – вот что тебя ожидает. Это тебе не срамную трубочку посасывать.

– Безусловно, – бархатным голосом подтвердил морячок.

– Не стоит. Спасибо.

Я уже собралась было идти в противоположную сторону, когда одна дерзкая мысль овладела мной. Повернувшись к Клио, я поманила ее пальцем:

– Можно вас на минутку, Клио?

Она удивилась развязности моего голоса, но все-таки подошла.

– Да? – Прямо в лицо мне полетела струя ванильного дыма.

– Отличный табак, – констатировала я. – Как называется?

– «Капитан Блэк», облегченный вариант. Именно это вы хотели спросить?

– Почти. Скажите, вы делаете педикюр?

Мой вопрос озадачил Клио. Несколько секунд она стояла, по-детски приоткрыв рот, и с изумлением рассматривала меня. Я тоже рассматривала ее: никаких изъянов, вот только большой и указательный пальцы сильно пожелтели от трубки, видимо, она слишком интенсивно прикрывала ее, чтобы создать нужную тягу.

– Я никогда не делаю педикюр, – надменно сказала она. – Я могу позволить себе такую роскошь. И вообще – ногти должны дышать.

– Вопросов больше нет, – впервые за последние полчаса я непринужденно улыбнулась. – Только один маленький совет. Купите специальную крышку для трубки, это создаст хорошую тягу, и пальцы желтеть не будут. Спокойной ночи, Клио!..

…Вадик, так и не дождавшись меня, спал под дверью нашей каюты, свесив голову на камеру. Я растолкала его и некоторое время с удовольствием наблюдала, как он потирает бессмысленные от сна глаза.

– Ну, ты даешь! – Впрочем, в его голосе не было никакой обиды. – Умереть можно, пока тебя дождешься.

– Нужно заказать здешнему боцману еще один ключ от каюты.

– Решила пуститься во все тяжкие? – Вадик иронически посмотрел на меня.

– Почему нет? Кстати, твоя пассия уже пустилась. Только что видела ее в обществе…

– Меня это не интересует, – малодушно перебил меня Вадик.

– А твоя теория о старых девах не выдерживает никакой критики. Клио ненавидит педикюр и не делала его никогда… Идем спать, психоаналитик хренов!..

* * *

…Двадцать первого апреля, ровно в одиннадцать утра, «Эскалибур» покинул рейд и взял курс на северную оконечность Охотского моря. Об этой акватории удалось узнать только то, что льды держатся там с октября по июнь. Сезон отстрела ластоногих начался гораздо раньше и должен был закончиться в мае. Мы вполне укладывались в эти сроки.

Выходу в море предшествовали несколько утомительных процедур, самой безобидной из которых была небольшая экскурсия по судну. По ее окончании пассажиры уже имели отдаленное представление о носе и корме судна, о расположении палуб, о наличии мини-пекарни, амбулатории (обязанности корабельного фельдшера выполнял по совместительству второй помощник капитана Юрий Георгиевич Суздалев) и даже сауны. Каждому из пассажиров было указано место в спасательных шлюпках (Карпик, не отходившая от меня ни на шаг, тотчас же меланхолично поинтересовалась, как пользоваться шлюпками в сплошных льдах). Все вооружение было собрано в арсенале и после пограничной проверки опечатано.

Вслед за этим всем желающим был продемонстрирован морозильный цех с рефрижераторными камерами. Во время экскурсии меня долго не покидала мысль, что нам не показали и сотой доли начинки корабля. А впрочем, это и не должно интересовать неискушенных гражданских лиц, сухопутных сосунков, глупых новобранцев…

…Весь первый день корабль ходко шел по чистой воде – прибрежные льды кончились через час после выхода из порта. Но все то время, пока они тащились за кормой, «Эскалибур» даже не рассекал их. Скорее вползал, как глубокой ночью муж вползает на опостылевшую жену. И давил их всей тяжестью корпуса. А пассажиры, предоставленные сами себе, коротали время в спортивном зале и бильярдной, а также совершали променад по палубе, вежливо раскланиваясь друг с другом. Весь день я собиралась пойти в кают-компанию, чтобы восторженная Аника научила меня игре в бридж. Но так и не собралась.

Гром грянул ночью, когда в нашу с Вадиком каюту довольно настойчиво постучали. Вадик вылез из-под одеяла и направился к двери.

– Что случилось?

– Откройте, пожалуйста! – Я сразу же узнала голос второго помощника Суздалева.

Кряхтя и почесываясь, Вадик отпер дверь и снова повторил свой вопрос:

– Так что могло случиться в три часа ночи?

– У вас ведь есть видеокамера?

– А в чем дело?

– Необходимо кое-что зафиксировать на пленку. – Суздалев оттеснил Вадика в каюту, прикрыл за собой дверь и понизил голос: – Дело в том, что погиб человек.

– Что? – переспросил Вадик.

– Я прошу сохранять спокойствие. Несчастный случай. К сожалению… Вы должны пройти со мной.

– В каком смысле – «погиб»?

– Одевайтесь. И тише, пожалуйста.

– Хорошо, мне нужно три минуты, чтобы собраться. Вы не могли бы подождать, пожалуйста, за дверью.

– Все понял. – Суздалев машинально козырнул. – Буду ждать вас через три минуты.

И тотчас же вышел.

Вадик, взяв лицо в горсть, несколько секунд в задумчивости простоял посреди каюты. Из оцепенения его вывело только то, что я без всякого стеснения сбросила с себя пижаму и начала судорожно одеваться.

– А у тебя неплохая фигура, – заметил мой оператор с неожиданно прорезавшимся интересом в голосе…

Я пропустила его слова мимо ушей. Не хватало только производственного флирта в такой момент. Погиб, погиб, погиб, – это короткое слово билось в моей голове шариком от пинг-понга, – несчастный случай… «К сожалению»… К сожалению, все мои самые худшие опасения подтверждались. Круиз начинается довольно эксцентрично…

– Я не понял, кто погиб? – Вадик наконец-то пришел в себя. – Ты не видела моих штанов?

– Валяются под стулом. – Я уже была одета и теперь сидела на своей койке, зажав руки между коленями.

Действительно, кто погиб? Я отгоняла от себя мысль о случайно подслушанном разговоре на палубе, я отгоняла ее от себя, как паршивую овцу, но она все время возвращалась, с веревкой, болтающейся на шее. Слова Суздалева о несчастном случае совсем не успокоили меня. В любом случае – эта смерть, в преддверии больших льдов, не очень хороший знак…

– Ты готов? – спросила я Вадика, как только он застегнул все пуговицы на штанах.

– А ты куда собралась? – вовремя он вспомнил, что пригласили только его с его разлюбезной профессиональной видеокамерой.

– С тобой, милый мой, с тобой, дорогуша. В конце концов, мы – одна команда. Или ты отказываешь мне в человеческом и профессиональном любопытстве? Что бы ты сделал на моем месте?

– Непременно увязался бы, – поразмыслив несколько секунд, протянул Вадик.

– Вот видишь. Так что не будем терять время. Тем более что нас ждут.

Вместе мы вышли из каюты, чем несказанно удивили Суздалева. Юрий Георгиевич критически осмотрел меня, и, чтобы предупредить ненужные вопросы, я сказала:

– Простите, ради бога, но я являюсь непосредственным руководителем нашего оператора и к тому же возглавляю все съемки…

– Это не пикник, дамочка, – строго сказал Суздалев, ему явно не нравился расширяющийся круг свидетелей. – Дело серьезное.

– Я понимаю, – примирительно сказала я. – Обещаю вести себя соответствующе.

Больше возражений со стороны второго помощника капитана не последовало.

– Далеко идти? – все еще позевывая, спросил Вадик. Он так и не понял до конца смысл всего сказанного Суздалевым.

– Как вам сказать… В общем, здесь рядом.

Для того чтобы понять слова второго помощника, нужно было иметь самое приблизительное представление о судне. Сегодня мы его получили. Расположение кают на нашей палубе было довольно примитивным: коридор представлял собой прямоугольник, по внешнему периметру которого, с правого и левого борта, располагались каюты. А на противоположной от кают стороне было только две двери, по одной на каждом борту: обе они вели в шахту машинного

отделения. Именно к одной из этих дверей, находящихся на нашем, левом борту, и направился Суздалев. Мы молча последовали за ним.

Спустя две минуты мы уже стояли на площадке в шахте машинного отделения. Здесь стоял невероятный грохот от работающих двигателей и почти удушающе пахло маслом и разогретым металлом. Что ж, звукоизоляция на судне отменная, подумала я про себя, мы находимся в непосредственной близости от чрева огромного корабля и при этом умудряемся спокойно спать. Впрочем, теперь спокойно не поспишь, – даже в полной, даже в абсолютной тишине.

Несчастный случай.

Погиб человек.

– И часто у вас бывают несчастные случаи? – спросила я у Суздалева, пытаясь разглядеть работающие внизу механизмы.

Должно быть, мой вопрос показался Суздалеву чересчур циничным. Он поморщился, но все-таки нашел нужным ответить:

– На кораблях такого класса, с людьми такого класса… Это первый с начала перестройки. Спускайтесь вниз, только осторожно, очень крутые трапы.

Спуск в машинное отделение занял несколько минут: как оказалось, мой отважный оператор боится высоты. Пару раз мы останавливались на площадках, и Вадик вытирал тыльной стороной ладони крупные капли пота. Суздалев смотрел на оператора с состраданием, как на тяжело больного человека.

Наконец мы оказались в самом низу. Грохот здесь был изматывающим. Я подняла голову вверх: ничего себе высота! Четырех- или пятиэтажный дом, не меньше. Я уже знала, что шахта машинного отделения насквозь пронзает корабль, от фальштрубы и до трюмов, и что попасть в нее можно с любой из палуб так же легко, как это только что проделали мы.

– Идемте, – поторопил нас Суздалев. – А вы, молодой человек, приготовьте вашу камеру.

Первым, кого мы встретили, был моторист Аркадьич. Дежурная, полагающаяся случаю скорбь, легкий ужас и жгучее любопытство вели отчаянную борьбу за право поселиться на его разбойной физиономии. Скорбь вышла победительницей из схватки, стоило нам только приблизиться.

– Проводи ребят, Аркадьич, – сказал Суздалев мотористу. – А я пойду за адвокатишкой. Нам нужен хотя бы один представитель закона.

Аркадьич кивнул головой и судорожно сглотнул слюну. Суздалев же отправился в очередной челночный рейс.

– Объяснит нам кто-нибудь, в конце концов, что произошло, или нет? – обратил свой взор к мотористу Вадик.

– Сорвался, – кротко сказал Аркадьич. – С верхней палубы сорвался, прямо в шахту, – и фьюить… Нету больше старпома.

Машинное отделение поплыло у меня перед глазами. Я услышала то, что подсознательно уже готова была услышать: вот и кончился старпом Василий Митько, шантажист-любитель, мелкая сошка, вздумавшая играть в опасные игры. Я старалась отогнать от себя дурные мысли и дурные предчувствия, ведь даже неискушенному человеку понятно, что моряк, несколько лет проработавший в море, а тем более старший помощник капитана, не может просто так взять и упасть в шахту машинного отделения… Не поскользнулся же он на банановой кожуре, в самом деле. К тому же каждый пролет предохраняют защитные сетки.

…Открывшаяся нашим взорам картина моментально выбила все мысли у меня из головы. Несколько человек, среди которых я узнала капитана, одного из братков и губернатора Николая Ивановича Распопова, стояли полукругом и заслоняли от нас тело. Я видела только ботинки старпома.

– Вот, камеру привел, – сказал Аркадьич капитану и приклеился глазами к трупу.

– Хорошо. – Капитан был лаконичен. Но, увидев меня, разразился более пространной тирадой: – Вам бы не стоило приходить сюда, девушка.

– Я не девушка, а режиссер съемочной группы, – решилась стойко придерживаться выбранной линии поведения.

– Здесь режиссировать нечего. – Капитан едва сдерживал ярость.

Я сочла за лучшее не вступать в дискуссии и промолчала.

Случившееся произвело на всех удручающее впечатление. Говорил только капитан. Вернее – кричал. Иначе расслышать друг друга было невозможно.

– Ну, что скажете, доктор? – обратился он к братку, возившемуся возле трупа.

Старпом Вася лежал возле одного из работающих двигателей лицом вниз, широко раскинув руки. Одежда его была изорвана во многих местах: должно быть, падая, он немилосердно бился о клапаны, трубы и арматуру, паутиной опоясывающие все машинное отделение. А стопы старпома были неестественно выгнуты, да и само тело, набитое раздробленными костями, больше напоминало желе. Именно так выглядят люди, упавшие с приличной высоты. Мой вгиковский друг Иван, когда-то давно выпавший из окна общежития, лежал в точно такой же позе. Тогда, много лет назад, при виде его тела я не испытала ничего, кроме исступляющей, разрывающей голову боли. Теперь же мной овладел страх.

Страх – и больше никаких эмоций.

Чтобы хоть как-то заглушить его, я придвинулась к губернатору и тихонько спросила его:

– Кто этот парень?

– Старпом, – так же тихонько пояснил Николай Иванович. – Черт возьми, замечательно начинается путешествие… Это дурной знак… Очень дурной. Не знаю даже, что делать…

– Да нет же, я знаю, что это старпом. Я имею в виду парня, которого капитан назвал доктором…

Губернатор обернулся и укоризненно посмотрел на меня: надо же, какая железобетонная дамочка, эмансипированная сучка без сердца, продвинутая потаскушка без капли сострадания, ты бы еще спросила, какой марки часы болтаются на запястье у трупа…

Черт возьми, почему же меня так интересует этот ярко выраженный браток, почему я цепляюсь за самые нелепые детали, например, за развязанный шнурок правого ботинка старпома? За аккуратную заплатку на его кителе, у накладного кармана, почему я раньше этого не замечала? Должно быть, старпом Вася Митько, перед тем как стать шантажистом, вполне удачно штопал себе носки…

– Этот парень, – тупо повторила я, – кто он?

– Говорят, крупный нейрохирург. Возглавляет клинику где-то под Питером…

Надо же, крупный нейрохирург. Он крупный нейрохирург, а ты, Ева, совершенно хреновый психолог, бездарный последователь теории Ломброзо! Принять уважаемого человека, почти медицинское светило, за бандита с большой дороги, за рэкетира со стажем, за владельца привокзального стриптиз-бара и банальной «Моторолы»! Нет тебе прощения, Ева!.. Интересно, кем же тогда окажется второй браток – специалистом по коронарному шунтированию или профессором-ортопедом?..

– Что скажете, доктор? – снова повторил капитан.

– Что тут скажешь! – Доктор поднял голову. – Я ведь не судмедэксперт. Могу только констатировать смерть…

– Подождите, доктор. – Капитан обратился к Вадику. – Вы пока снимайте все, что говорит доктор, и… Само тело тоже снимите. Чтобы все было зафиксировано. Сами понимаете, что оставлять здесь тело надолго нельзя. Кассету потом отдадите мне. Все ясно?

– Вполне, капитан. – Вадик тотчас же навел объектив на нейрохирурга (как же все-таки я могла так ошибиться?!) и застрекотал камерой.

Доктор, возившийся у трупа, продолжил:

– Итак, смерть наступила в два двадцать семь. Стало быть, пятьдесят пять минут назад…

– Вы так точно можете установить время?

– По часам, капитан, только по часам. – Нейрохирург осторожно приподнял руку старпома и указал на запястье: – Часы механические, и потому остановились, разбились от удара. Так что мы можем констатировать момент смерти довольно точно. Что еще? Кроме повреждений, связанных со спецификой травмы, никаких иных мною не обнаружено.

– Что вы имеете в виду?

– Следы от огнестрельного ранения, например, – просто сказал нейрохирург. – Или колотые раны, свидетельствующие о применении холодного оружия.

Капитан нахмурился и внимательно посмотрел на доктора:

– Вы хотите сказать…

– Версию убийства я бы тоже не стал отбрасывать. – Нейрохирург неожиданно осклабился, обнажив неровные и крупные зубы. – Хотя…

– Хотелось бы ее отбросить, – надавил капитан.

– Ничто об этом не говорит. Покойный был довольно крупным человеком… Завалить такую тушу, да еще без борьбы, – довольно проблематично… И потом, судя по всему, он основательно набрался перед смертью… Разит, как от винной бочки, простите за живописную подробность…

Закончить нейрохирург не успел: в машинном отделении, в сопровождении Суздалева, появился адвокат Альберт Венедиктович в роскошном бархатном халате, натянутом прямо на пижаму. Из пижамных брюк торчали его оплывшие, покрытые жесткими рыжими волосами щиколотки, а холеная борода сбилась набок.

Толстый адвокат тяжело дышал и то и дело промакивал носовым платком вспотевшую лысину. Судя по всему, второй помощник уже ввел адвоката в суть трагического происшествия со старпомом, и Альберт Венедиктович сразу принялся за дело.

– Разойдитесь, не стоит толпиться возле трупа, – прощебетал он, раздуваясь от чувства собственной значимости. – И вообще, слишком много людей.

Бедный толстяк Альберт Венедиктович, видимо, лавры следователя по особо важным делам никогда не давали тебе покоя. Или слава комиссара Мегрэ.

Кряхтя и отдуваясь, Альберт Венедиктович опустился на четвереньки перед трупом старпома и принялся внимательно изучать его.

– Кто первым обнаружил тело? – наконец спросил он.

Капитан вытолкнул из толпы моториста Аркадьича:

– Он!

– Когда это произошло?

– Недавно… Точнее я не знаю. И времени не засекал.

– Печально, печально… – К Альберту Венедиктовичу подошел нейрохирург и что-то шепнул ему на ухо. – Ага, понятно.

Услышав версию о часах и таким образом точно восстановив время, адвокат несколько успокоился.

– Вы слышали стук падающего тела? – снова обратился он к мотористу. – Вы видели, как все это произошло? Вы вообще заметили что-нибудь? Подозрительный шум, например.

Затравленный Аркадьич неожиданно для себя стал главным действующим лицом. И после долгого напряженного раздумья подал соответствующую реплику:

– Да вы с ума сошли, товарищ… Здесь грохот такой, что собственная женка будет рожать в муках – и то не услышишь… Разве сами не видите. Я вообще случайно…

– Случайно наткнулись на тело?

– Ну да. Мы же здесь не сидим, мы наверху, в посту управления. Только раз в час спускаемся, механизмы обходим, мало ли что… Вот спустился в очередной раз – так его и увидел. А как увидел – так сам чуть рядом не свалился от ужаса.

– Вы сразу же поднялись к капитану?

– Да не поднимался я… Я же при механизмах… Сообщил по селектору с поста, так, мол, и так, вот он и спустился.

– Моторист позвонил вам в каюту?

– Я был в рубке, – четко, по-военному, ответил капитан. – Наш моторист позвонил именно туда.

– В котором часу это произошло?

– Три пятьдесят. Но разве сейчас это имеет значение?

– Все имеет значение, – наставительно сказал Альберт Венедиктович, – пока мы не выяснили причину смерти.

Призрак возможного убийства коснулся лиц присутствующих, и все надолго замолчали. Только адвокат продолжил импровизированный допрос свидетелей. И снова обратился к Аркадьичу:

– Значит, вы действительно ничего не слышали?

– Я же говорил…

– Гм-гм… Действительно, здесь чересчур шумно. – Чтобы как-то сгладить очередную неловкость, Альберт Венедиктович снова обратился к нейрохирургу: – Что вы можете сказать относительно высоты, с которой… м-м… упало тело?

– Ну, судя по внешним повреждениям, метров восемнадцать-двадцать… Не больше… Хотя я не могу ручаться за это.

Альберт Венедиктович поднял голову. Следом за ним то же самое проделали и все остальные.

– Н-да, – промямлил он, – очень неприятная ситуация… Нужно осмотреть все переходы, площадки и лестницы… Возможно, это прольет свет на происшедшее.

Это была первая здравая мысль, высказанная толстым адвокатом. Группа добровольцев во главе со вторым помощником тотчас же отправилась прочесывать машинное отделение сверху донизу, а у трупа остались только капитан, адвокат, комплекция которого не позволяла скакать по крутым трапам в поисках истины, губернатор и я с Вадимом.

Вадик уже давно выключил камеру, тело старпома накрыли куском брезента, а мужчины посматривали на меня недружелюбно: я была совершенно лишним элементом, инородным телом, любопытной самозванкой, невесть как попавшей на тризну.

Впрочем, мне было глубоко плевать на то, что думают обо мне все эти люди. Только один человек интересовал меня сейчас.

Старпом Василий Митько.

О чем он думал перед смертью? И успел ли он понять, что произошло? И кого он видел последним, перед тем как рухнуть вниз с высоты шестиэтажного дома?

Не того ли человека, которого так опрометчиво решил шантажировать? Должно быть, они все-таки встретились. Если не в одиннадцать, то позже. Чужая, подслушанная тайна жгла мне душу и наполняла ее тоскливым тягучим ужасом. Ничего не нужно делать, никто и никогда не узнает, что ты была на палубе прошлым вечером.

– Что с тобой, Ева? – Голос Вадика вывел меня из оцепенения.

– Это все ужасно…

– Да, ужаснее не придумаешь. – Вадик думал о том, о чем думали и все присутствующие: погибший на корабле – самый дурной знак, который только можно себе представить. Перед началом круиза это приобретает почти символическое значение. – Черт бы его побрал…

– Ты о ком?

– Да о старпоме, о ком же еще. – В голосе Вадика послышалась неприкрытая ненависть. – Всю малину поломал, гад! А так хорошо все начиналось… Как ты думаешь, теперь весь этот малый каботаж отменят?

Своим вопросом Вадик застал меня врасплох: действительно, что в такой ситуации предпримет капитан? С одной стороны – за широко разрекламированную охоту на тюленей уже заплачены бешеные деньги, и люди, прилетевшие сюда с другого конца страны, вряд ли согласятся проделать такой же путь обратно, так толком и не выйдя в море…

Но с другой…

Я не отрываясь смотрела на покрытое брезентом тело старпома Васи и чувствовала, что больше всего мне хочется убраться с этого корабля и забыть как страшный сон и номер моей шлюпки, и номер моего столика в кают-компании, и памятку для пассажиров, которая висит у меня над головой, и репродукцию Доу «Потерпевшие кораблекрушение».

Господи, сделай так, чтобы капитан принял решение вернуться! Я мысленно сложила руки в молитве и подняла голову. И тотчас же забыла обо всех своих малодушных заклинаниях: Суздалев и нейрохирург (за время его отсутствия я все-таки успела выяснить, что его зовут Антон) спускались вниз. Но, не дойдя одного пролета до машинного отделения, Антон помахал нам рукой:

– Поднимайтесь наверх! Кажется, все выяснилось.

Капитан оставил у тела старпома Аркадьича, сгорающего от любопытства, а мы поднялись наверх.

…Через пятнадцать минут все было окончательно расставлено на свои места. Суздалев и Антон без труда нашли пролет, из которого выпал старпом. Он находился как раз у двери в машинное отделение. А каюта Васи Митько, расположенная по правому борту, находилась прямо напротив двери в машинное отделение. Странным казалось только одно обстоятельство: на площадке не горела лампа. И она освещалась только тусклым светом, идущим из недр машинного отделения. Заграждения тоже были сломаны, и на них висела никому теперь не нужная табличка: «Осторожно» с черепом и перекрещенными костями. Кто-то из команды в свое время поленился приварить прутья заграждения, ограничившись лишь табличкой и веревкой, натянутой на месте отсутствующих перил, и понадеявшись на защитную сетку, которую падающее тело старпома фантастическим образом умудрилось проигнорировать.

– Нарушение техники безопасности, – констатировал адвокат. – А это уже статья… А, впрочем, картина ясна. В стельку пьяный старпом путает собственную каюту и дверь в машинное отделение. И, поскольку свет на площадке пролета отсутствует, он пытается найти его…

– Верно, – неожиданно поддержал Альберта Венедиктовича второй помощник Суздалев. – Васька верхний свет не переносил, он глаза давно посадил, еще когда первый год во льдах охотился. Не переносил – и все, так же как и курево… Только блондинку сорокаградусную уважал… Злодейку с наклейкой… Он, когда в каюту приходил, всегда настольную лампу включал, это его успокаивало. Он мне сам об этом говорил…

– Вот видите, – перебил Суздалева адвокат, – теперь все сразу становится на свои места. Старший помощник просто прошел вперед, чтобы, как он думал, включить настольную лампу… Ну и… летальный исход, сами понимаете… Инцидент трагический, но ничего криминального я в нем не нахожу. Капитану необходимо опечатать каюту э-э… покойного и позаботиться о его теле. И чтобы дело не приобрело ненужной огласки…

В этом месте пространной речи адвоката все выразительно посмотрели на меня. Я была паршивой овцой среди монолитного мужского стада, я могла растрепать о смерти старпома, да при этом сгустить краски. Я улыбнулась капитану и приложила руки к груди:

– Можете рассчитывать на меня…

* * *

Ночь была на исходе, а мы сидели в бильярдной уже целый час. Здесь были опоздавшие на полчаса свидетели ночной трагедии: капитан, второй помощник Суздалев, Альберт Венедиктович, нейрохирург Антон, губернатор, Вадик и я. Мужчины хлестали спиртное, я же ограничилась минеральной водой. Мне нужно было сохранить светлую голову: вот уже целых шестьдесят минут обсуждался вопрос – что же делать дальше?

Тело старпома было перенесено в рефрижераторный отсек. Я не переставая думала о нелепо погибшем, так и не уехавшем на материк Василии Митько… Сейчас он лежит там, куда обычно сваливают перемолотые в фарш освежеванные туши тюленей, чтобы позже отправить их бесполезное мясо на звероферм. Перед самым выходом в море ответственный за охоту третий помощник капитана Зданович обстоятельно ознакомил всех желающих с объектом промысла и даже показал целую кипу фотографий. Из всего сказанного Здановичем я вынесла только то, что ценными в тюленях являются только шкуры и бивни, а все остальное скармливается пушному зверю, – самая иррациональная охота из всех возможных…

«Скорбное безмолвие тюленей» – назвали свой маршрут владельцы турфирмы Петр и Павел. Как в воду глядели. Усердно охраняемый ими тюлений рай оказался кромешным адом для одного из членов экипажа «Эскалибура». И еще неизвестно, кто захочет остаться в этом аду. Я уж точно не захочу.

Не захочу. Нужно сказать об этом капитану.

А что, собственно, ты можешь сделать, дорогая моя? – тотчас же осадила я себя. В отличие от всех вольнонаемных пассажиров, спокойно распоряжающихся своими средствами и временем, ты вместе со своим оператором являешься пленницей круиза. Пленницей охоты. Пленницей корабля. Всех твоих карманных денег хватит только на жевательную резинку и карамельку «Чупа-Чупс» в буфете аэропорта. Билеты на обратный рейс из Южно-Сахалинска в Москву уже заказаны, маленький самолет летает из местного аэропортишки только раз в неделю. А частных средств передвижения, в отличие от Клио и всех прочих богатеньких буратин, у тебя нет. И никогда не будет. Разве что казенный катафалк в самом конце пути… И биплан за тобой не пришлют по первому требованию. И даже собачью упряжку…

– Предлагаю выработать единый подход к происшедшему, – взял в свои руки управление дискуссией адвокат.

– Своевременная мысль, – откликнулся нейрохирург Антон, – тем более если учесть, что до завтрака в кают-компании осталось два с половиной часа.

– Я уже сообщил обо всем происшедшем в порт, – поставил всех в известность капитан.

– Невозможно повернуть корабль. – Альберт Венедиктович судорожно сглотнул остатки коньяка. – Вы же сами понимаете, что это невозможно. Мы тащились сюда через всю страну, мы заплатили бешеные деньги, в конце концов! Никто не должен страдать из-за разгильдяйства вашего экипажа! Какой-то хряк по неосторожности свалился…

– Альберт Венедиктович, – попытался урезонить адвоката Антон, – о мертвых либо хорошо, либо ничего… Держите себя в рамках приличий!

– Да бросьте вы, Антон!..

– Вы бы заткнулись, господин адвокат! – вспыхнул капитан, и даже его седая борода, казалось, зарумянилась. – Произошло несчастье с одним из моих людей. И все ваши деньги, даже собранные вместе, его не вернут!

– Вот именно. – Адвокат несколько сбавил обороты. – Мы пока что, слава богу, живы и готовы продолжать круиз. Думаю, меня поддержат все здесь присутствующие. Не отменять же путешествие из-за нелепого несчастного случая, в самом деле!

Капитан молчал.

– Я понимаю, эта трагедия – не самый благоприятный фон для начала круиза, но ведь бывают форс-мажорные обстоятельства… Среди нас есть женщины и ребенок… – В этом месте страстной речи адвоката все повернулись ко мне. – Думаю, что известие о смерти одного из членов экипажа произведет на них тягостное впечатление… Может быть… Может быть, умолчим об этом прискорбном происшествии? Хотя бы для спокойствия непосвященных… Пусть все идет своим чередом. В холодильнике труп прелестно сохранится до нашего возвращения…

Нейрохирург Антон весело присвистнул:

– Интересно, как вы себе это представляете, коллега? Залепить всем воском уши? Или вымазать горчицей глаза? Уже сейчас об этом наверняка знает весь экипаж. А у мареманов, как известно, в запасе имеется целый ворох нехороших примет… Если они даже боятся выходить в море по понедельникам, то что говорить о загадочной смерти на борту? Я прав, капитан?

Капитан грустно улыбнулся: конечно, ты прав, салага.

– Скрыть это не удастся, ясно. Даже если все здесь присутствующие дадут друг другу страшную клятву на Библии, это нисколько не поможет делу. Все равно слухи просочатся и обрастут самыми невероятными подробностями. Мне кажется, нужно все честно сообщить пассажирам, а потом вызвать из порта вертолет. Труп на борту – не очень приятное соседство, согласитесь… Гонять бильярдные шары, зная, что в нескольких сотнях метров от тебя лежит замороженный покойник, – удовольствие сомнительное. К трупу мы приложим мое медицинское заключение и заключение нашего глубокоуважаемого адвоката. А также кассету, отснятую нашим глубокоуважаемым оператором. Думаю, никаких проблем с этим не возникнет. И осложнений тоже. Никакого уголовного дела заведено не будет, учитывая обстоятельства смерти потерпевшего. А тот, кто не захочет продолжать круиз, – я полагаю, что и такие найдутся, – вполне может улететь тем же вертолетом, что и несчастный старпом. С условием, что не будет выдвигать никаких исков фирме. Учитывая форс-мажорные обстоятельства, как сказал наш глубокоуважаемый адвокат. По-моему, это единственный приемлемый для всех выход.

– Браво, Антон Вячеславович! – Чутко реагирующий на малейшие колебания народной души губернатор опередил меня на какую-то долю секунды: я уже готова была зааплодировать нейрохирургу. – Думаю, это действительно приемлемый для всех выход. Желающие испытать судьбу и силу морских примет отправляются дальше, а малодушные суеверные туземцы вытряхиваются из корабля. Тем более, если память мне не изменяет, турфирма в сопроводительных письмах обещала нам целый набор острых ощущений…

– По-моему, они уже начали претворять в жизнь свой план, вы не находите? – улыбнулся нейрохирург.

Черт возьми, он все больше и больше нравился мне, этот самый Антон Вячеславович, моей призрачной коллекции бубновых королей предстоит пополниться еще на одного. Королей, с которыми мне не ужиться в одной колоде. За недолгое время я успела перебывать и уставшей от своей стертой физиономии дурнушкой, и уставшей от своего великолепного разреза глаз красавицей (о, эта лукавая пластическая хирургия!), – вот только с мужчинами мне никогда не везло. Они не обращали на меня внимания, они обращали на меня слишком пристальное внимание, они предавали меня, они гибли из-за меня, они спали со мной, они отказывались со мной спать, – но еще никто из них со мной не остался.

Никто.

Впору стать мизогинисткой. Последовательной суфражисткой. И заводить только котов, чтобы потом с удовольствием их кастрировать в ближайшей ветеринарной клинике…

– Это не очень хорошая шутка, Антон Вячеславович, согласитесь. – Губернатор даже поморщился. – Мне неприятен подобный черный юмор. В конце концов, на борту покойник, а к смерти нужно относиться с уважением.

– Согласен! – Нейрохирург примирительно поднял руки. – Но тем не менее предложение остается в силе. После завтрака все объясним непосвященным пассажирам, а потом вызовем вертолет… Кто возьмет на себя миссию разъяснения происходящего?

– Вы и берите, Антон Вячеславович. – Губернатор легко справлялся с ролью рупора общественного мнения. – Раз уж такую стройную схему выстроили. И вполне щадящую.

– Именно. – Адвокат нервно накручивал на палец кончик бороды – он вообще выглядел уязвленным, ведь стать мозговым центром в сложившейся ситуации ему не удалось, здоровяк-нейрохирург перехватил инициативу. – У дражайшего Антона Вячеславовича это должно получиться превосходно. Он наверняка поднаторел в этом, сообщая безутешным родным о кончине пациентов, умерших у него под ножом.

– Витиевато выражаетесь, дражайший Альберт Венедиктович. – Нейрохирург даже подмигнул своему неожиданному ненавистнику. – На этом и сделали карьеру в коллегии адвокатов, признавайтесь?

– Не ваше дело!

– Еще коньяку, господин адвокат? – Антон все-таки был прирожденным дипломатом.

– Черт с вами, плесните. – Альберт Венедиктович дал задний ход: ссориться, имея труп на борту и гору оружия в опечатанном арсенале, он, видимо, не хотел.

– Послушайте, Антон, – губернатор, все это время стоявший у глобуса, с силой закрутил его, – бросайте вы свою клинику и переезжайте ко мне в губернию. Могу предложить отличную должность в администрации. Пресс-секретарь вас устроит? С солидным окладом. Очень солидным.

– В долларовом эквиваленте?

– Зачем же в эквиваленте. В долларах, голубчик, в долларах.

– Пока воздержусь, Николай Иванович. Мне нравится моя работа.

– Ну, как знаете. А губерния у меня замечательная. Леса, озера, монастыри… Вечный покой.

– Вот именно. Вечный покой, – ревниво вклинился адвокат. – Не стоит забывать о том, что произошло на борту.

– Никто не забывает, – все последнее время Антон активно налегал на коньяк, но это никак не отразилось на его способности соображать. – Вот что, капитан. Вызывайте вертолет, а все остальное решим после завтрака.

– Я уже вызвал вертолет, – спокойно сказал капитан. – Они подтвердили получение сообщения и будут на борту к вечеру. Или ночью.

В бильярдной повисла тишина. Вот оно что! Пока все лениво препирались, простраивали возможные варианты поведения пассажиров и экипажа, капитан наглядно доказал, что он сам вполне способен контролировать ситуацию, иначе и быть не должно. Кто бы ни были пассажиры, какой бы реальной властью и реальными деньгами они ни обладали, – главным на судне все равно остается капитан.

– Послушайте, а почему только к вечеру? – Альберт Венедиктович протер лысину платком и досадливо поморщился.

– Горючка. Все дело в топливе, сами понимаете.

– А если они не достанут это топливо?! Придется нам с покойничком все две недели куковать?

– Вертолет будет сегодня вечером. Извините, товарищи, позвольте вас покинуть. Служба.

Ни на кого не глядя, капитан вышел из бильярдной. Следом за ним отправился второй механик Суздалев. Через полчаса ему нужно было заступать на вахту.

А спустя некоторое время разошлись и все остальные. Каждый из мужчин посчитал своим долгом приложиться к моей руке: сейчас я была единственной женщиной в зоне их видимости, – тон и здесь задал душка-нейрохирург Антон Вячеславович.

Его губы были мягкими и прохладными.

Губы адвоката – чересчур мокрыми.

Вадик ритуальный поцелуй проигнорировал. Много чести будет, дамочка. И так с вечера до утра толкаемся на одном, довольно ограниченном, пространстве.

Последним к моей руке приложился губернатор Николай Иванович Распопов. Он сделал это с истинным блеском светского льва, поднаторевшего на приемах иностранных делегаций в здании областного краеведческого музея. Николай Иванович осторожно взял мои пальцы в свои и нагнул голову. Что-то в этом прикосновении удивило меня. И только спустя минуту я поняла – что именно. И удивилась, почему я не заметила этого раньше.

У губернатора не было двух пальцев на правой руке: большого и указательного.

…У субтильного на вид Вадика оказались железные нервы: он сладко похрапывал в своей койке. Я же ворочалась без сна, тоскливо ожидая приглашения на завтрак. Если верить будильнику, который Вадик привез из Москвы и торжественно водрузил на столик рядом с неувядающими орхидеями, оно поступит только через час. И этот час я проведу в тревожных мыслях, предоставленная сама себе. Страх, ненадолго оставивший меня в бильярдной, снова дал о себе знать: он устроился на груди и теперь сжимал ее мягкими и совсем неагрессивными лапами. Его не отгонял даже дым обожаемого мной «Житана Блондз» – за последний час я выкурила целую пачку, хотя перед самым круизом, стоя у зеркала, дала себе клятву ограничиться в курении…

Доводы, приведенные импровизированной, наскоро сколоченной следственной комиссией, теперь казались мне смешными. Несчастный случай, – надо же быть такими слепыми, надо же так не хотеть видеть дальше своего носа! Опытный моряк свалился в шахту машинного отделения только потому, что вусмерть напился и спутал двери. Как вообще можно было спутать двери – ведь дверь каюты и дверь, ведущая в шахту, – это две большие разницы!

От этой простой мысли я даже села. И принялась тереть кончиками пальцев похолодевшие виски.

Все пассажирские каюты на корабле закрываются. Да и каюты экипажа тоже. Это общепринятая практика. Я сама видела, как из кармана мертвого старпома извлекли ключи. Странно, что даже искушенный в юриспруденции Альберт Венедиктович не заикнулся о том, чтобы провести хотя бы один, предварительный, допрос возможных свидетелей. Потенциальных свидетелей, которые могли пролить свет на последние часы жизни старпома.

Кто и когда последним видел Митько? Старпом был пьян, а ведь это не приветствуется в экипаже. Иногда во время рейса даже устанавливается сухой закон. Конечно, на вполне пассажирском «Эскалибуре» к таким драконовским мерам не прибегали, но все-таки…

И что значит – старпом был пьян в стельку. Насколько он был пьян? Что, кроме специальных приборов, может определить наличие алкоголя в крови? И не просто алкоголя, а *большого количества* алкоголя. Услужливая память мгновенно подсказала мне, что экипаж «Эскалибура» сокращен больше чем на две трети, следовательно, график корабельных вахт максимально уплотнен. Вместо обычных четырех люди сменяют друг друга через каждые шесть, а то и восемь часов. Обычно старший помощник принимает вахту в восемь утра, а заканчивает в двенадцать. Страшно напиться, зная, что в скором времени тебе заступать на вахту в рубке, на капитанском мостике, – верх безответственности. И почти должностное преступление.

Старпом, насколько я могла судить, вовсе не был безответственным человеком.

Вопросов было гораздо больше, чем ответов. Если бы… Если бы я не оказалась случайной свидетельницей разговора на палубе, я бы с радостью ухватилась за утвержденную в рабочем порядке версию несчастного случая. Напился, заблудился, рухнул вниз – и взятки гладки. Тяжелый осадок, неприятные ощущения, мистические параллели, глухое сосание под ложечкой, – но не более того. В конце концов, можно погибнуть и от свалившейся на голову сосульки, все под богом ходим. Несчастный случай есть несчастный случай, не в президент-

скую же администрацию обращаться по этому поводу, не в небесную канцелярию жаловаться в конце концов…

Умышленное убийство – дело совсем другое. А в том, что это умышленное убийство, у меня не было никаких сомнений. Или почти не было. Старпом Вася спекся сразу же, как только попытался шантажировать кого-то. Связь ночного разговора на палубе и смерти старпома очевидна. Как это он сказал тогда? «Я – могила».

Очевидно, его убийца решил воплотить этот опрометчивый лозунг в жизнь. И не стал откладывать исполнение приговора.

Что еще говорил тогда Митько? Кажется, о том, что собирал сведения о каком-то таинственном, неизвестном мне деле несколько лет. И о том, что он подстраховался. Но было что-то еще – что-то, что насторожило меня. Какая-то деталь…

Стоп. Деталь.

Именно это слово он употребил. Я снова закрыла глаза и призвала на помощь весь свой небольшой, но достаточно впечатляющий опыт работы со спецслужбами. И спустя несколько секунд полностью воспроизвела опрометчивую реплику Васи: «Вас, конечно, не узнать, столько времени прошло. Но вот одна деталька, от которой никуда не спрячешься, которую ничем не выжечь, даже каленым железом… Вы вот наверняка вывеску подретушировали, если полностью не сменили, а о ней не подумали…» Интересно, что он имел в виду. Что именно нельзя выжечь каленым железом. Возможно, это как-то связано с особенностями человека. Привычками, манерой поведения… Стоп-стоп, эта наивная мысль не выдерживает никакой критики: когда тебе необходимо было измениться, ты поменяла все, даже голос. Человек – удивительное животное, он может совершать чудеса мимикрии, если это касается его безопасности. А то, что это касалось безопасности убийцы, не подлежало сомнению. Встреча с Васей никак не входила в его планы, она была для него как гром среди ясного неба. Вася узнал человека, которого решил шантажировать по какой-то специфической примете. Какой именно? Это же не банальный шрам от аппендицита, не родимое пятно во всю щеку, не заячья губа, в самом деле!

Тогда что?

Татуировка. Вздор, любую татуировку можно свести, да и ни у кого из пассажиров я не видела татуировки (за исключением Клио, но она женщина, поэтому этот вариант отпадает), во всяком случае, на доступных обзору частях тела:

проколотая ноздря. Опять вздор, кожа легко зарастает;

врожденная хромота. Вот это уже полный бред, из всех пассажиров корабля хромала только Карпик, которая если и могла что-то натворить семь лет назад, так только изорвать букварь соседа по парте.

Что?

Из пространного монолога Васи было понятно, что его спутник очень и очень зажиточный человек, обладающий деньгами и положением в обществе. Самая дикая примета: каждый из пассажиров, за исключением нас с безлошадным Вадиком, обладал и положением, и состоянием. Банкир, преуспевающий адвокат, знаменитый нейрохирург (душка, душка, душка!), владелец крупной компьютерной фирмы и его любовник, лидер партии, высокооплачиваемый хоккеист, губернатор. Губернатор без двух пальцев на правой руке, большого и указательного.

Я вскочила с кровати и прошлепала к умывальнику. Открыла кран и сунула под него голову. Отсутствие пальцев на руке – чем не деталька, от которой никуда не деться.

Никуда.

Нет, нет, нет, этого не может быть. Уважаемый человек, руководитель целой области, не может же он быть банальным убийцей!.. Я закрутила краны и снова сунула в рот сигарету. А потом подошла к кровати и решительно пнула Вадика в бок:

– Просыпайся!

– Господи, ни отдыху, ни сроку, – промямлил Вадик, не открывая глаз. – Только заснул ведь.

– Просыпайся! – Я была неумолима.

– Да что такое?!

– Продирай глаза!

– Садистка! Гадина! Приедем – накатаю на тебя жалобу в Союз кинематографистов. И самому Никите Михалкову.

– Лучше Стивену Спилбергу. Ну!

– Да что случилось-то? – Вадик наконец оторвал голову от подушки.

– Ты храпишь. Причем невыносимо. Предупреждать нужно! А еще собираешься с поп-певичкой переспать. Да она тебе через полчаса такой какофонии выкинет. Если бы знала заранее, взяла бы с собой резиновую игрушку, какую-нибудь уточку, чтобы под носом тебе крякать. – Это была чудовищная напраслина, Вадик и не думал храпеть, но я достигла цели: незаслуженная обида заставила его окончательно проснуться и сесть в кровати.

– Сволочь, – сказал он примирительно. – Зачем я только ввязался в эту авантюру? Прешься через всю страну, выслушиваешь всякую лабуду, снимаешь какие-то трупы вместо суровых красот Мирового океана… А тебя же еще обвиняют в том, что ты храпишь.

– Ладно, не сердись, все равно скоро вставать пора… Слушай, Вадик, что ты знаешь о Распопове?

– О губернаторе, что ли? – уточнил Вадик.

– Ну да.

– Да ничего не знаю. Видел пару раз в «Парламентском часе», этот чинуша ведь в Совете Федераций заседает…

– И все?

– Я, милая, за политической ситуацией в стране не слежу. Мне, знаешь, своих проблем хватает. Так что извини.

– Извиняю, – вздохнула я и снова улеглась в койку.

Да, дружочек Вадик Лебедев, пользы от тебя как от козла молока. Да и никто мне не поможет, если разобраться. Никто не поможет, некому довериться. Да и что я смогу объяснить, если даже кто-то и захочет меня выслушать? Что слышала какой-то разговор, после которого старпома не стало. Только и всего. Никому не нужна насильственная смерть. Никому нельзя доверять: собственная жизнь ожесточила меня, она внедрила в мое хрупкое сознание эту мысль. Друг всегда может оказаться врагом и хранить под ложем любви нож для колки льда… Типичный голливудский стереотип, но кто сказал, что стереотип не есть истина?.. Пожалуй, по большому счету, из всех пассажиров «Эскалибура» я с легким сердцем могу довериться только Карпику.

Эта мысль так развеселила меня, что я рассмеялась.

– Ты чего? – тотчас же откликнулся Вадик. Он так больше и не заснул.

– Ничего. Просто так.

– Вспомнила веселенькую ночь?

– Да нет…

– Ну а губернатор зачем тебе понадобился? Хочешь шашни завести, пока суд да дело? Заарканить сановного старичка? Чтобы он снял со своей лапы часы «Картье» и преподнес тебе за мастерское владение позой «Рыбы соединяют глаза». Знаешь такую?

– Понятия не имею.

– Литературу нужно изучать.

– Это какую же?

– «Китайский эрос», например.

– Ты, я смотрю, большой теоретик… Вообще-то, я не рассматривала старичка губернатора в контексте рыбы, но ты натолкнул меня на мысль…

– Значит, действуй, Маня!

– Приму к сведению, дорогуша…

* * *

Завтрак прошел тревожно. Ничего другого и не следовало ожидать. Все пассажиры оказались в курсе произошедшего ночью: известие о смерти старпома, который еще вчера за ужином как ни в чем не бывало восседал за столиком командного состава, распространилось с невероятной скоростью. Уже ставший традиционным Шопен в исполнении Владимира Горовица лишь подчеркивал скорбь момента. Изысканное и строгое фортепиано, ничего лишнего. Никто так и не оценил по достоинству шепердспай – запеканку, широко разрекламированную невидимым коком еще за ужином.

Ужин был вчера. А этой ночью многое изменилось. И все взгляды были прикованы к столу, за которым обычно сидел старпом. Но – никаких комментариев, чопорная английская сдержанность, только Аника, по-свойски чмокнув меня в щеку, сделала трагические глаза: тяжелое несчастье! («Ун грав ассидент, ви?»). Я с трудом удержалась, чтобы не ответить ей: «Ле манифиг!»

Вторым по популярности объектом после стула старпома стала несовершеннолетняя Карпик. Все чрезвычайно боялись, что известие о смерти одного из членов экипажа травмирует девочку: до сих пор никто не знал, в курсе ли происшедшего банкир и его дочь.

Мне же не удалось переговорить с Валерием Адамовичем до завтрака: мы с Вадиком явились уже после того, как Сокольников и Карпик заняли свои места.

На протяжение всего завтрака в кают-компании царила тягостная тишина. Разговаривать на посторонние и легкие темы, типа морской болезни и предстоящей охоты на тюленей, не хотелось. Карпик, как всегда, ела отвратительно, ковырялась в запеканке, как курица, и ни на кого не поднимала глаза. Но за молоком (специально для дочери Сокольников заказал кипяченое молоко, и Карпик, мужественно морщась, размазала пенки по краям тарелки с недоеденной запеканкой) она наконец-то решилась.

– Интересно, папа, почему такая тишина? – на всю кают-компанию спросила Карпик. Ее голос прозвучал так неожиданно громко, что впечатлительная Аника уронила на пол вилку.

– Ты же знаешь, Карпик, – едва прошелестел в ответ отец. – Когда я ем, я глух и нем.

– Да, я в курсе… А тебе нравятся молочные пенки, Ева?

– Терпеть их не могу, – совершенно искренне сказала я.

– Я тоже. Папа, а почему сегодня не все завтракают?

Тишина в кают-компании стала еще более зловещей, и все головы повернулись к нашему столику.

– В каком смысле – «не все»?

– Тот дядя, который сидел рядом с капитаном…

Вот оно, начинается! При всем своем уме Карпик еще ребенок, и неизвестно, как она отреагирует на известие о смерти старпома. И отреагирует ли вообще… У детей и смерти свои особые отношения, и лучше в них не влезать.

– Какой, деточка? – фальшивым голосом спросил банкир. Конечно же, он все знал. Знал и ничего не сказал своей дочери.

– Который умер сегодня ночью, – почти пропела Карпик и залпом выпила молоко. Мне стало не по себе. Вот тебе и ранимая душа. – Хочу еще молока… Только без пенок, пожалуйста.

– Откуда ты знаешь? – не выдержав, спросила я.

– А мне Макс сказал.

– Кто такой Макс? – взволновался отец.

– Макс – это рефмеханик, – пояснила Карпик.

– Кто?

– Человек, который отвечает за холодильные камеры, папочка.

– Лариса! Я же просил тебя не лазать по кораблю. Какие-то рефмеханики… Когда ты только успеваешь… – Сокольников выразительно посмотрел на меня: я, и только я должна присматривать за Карпиком, а никакие не рефмеханики, отвечающие за холодильные камеры.

– Хорошо, папочка. – Карпик наклонила голову, и только теперь я впервые заметила, какой крутой у нее лоб, с таким лбом не соскучишься…

– Я очень тебя прошу…

– Хорошо, папочка. Я буду сидеть в нашей каюте и с утра до вечера читать «Овода», которого ты мне сунул в рюкзак.

– Очень достойная книга, – вяло защищался отец.

– Тебе нравится «Овод», Ева? – снова обратилась ко мне Карпик.

– Я его даже до конца не дочитала, – и снова я была искренней. А Карпик нравилась мне все больше и больше.

– Вот видишь, папочка, не все разделяют твои литературные пристрастия…

Между тем обстановка в кают-компании несколько разрядилась: Карпик была последней, кто узнал о смерти старпома. Или не последней?.. Во всяком случае, о случившемся несчастье были оповещены все. Никаких истерик, никакой паники. Милые люди.

Милые и сдержанные.

После завтрака все, проспавшие ночные события в машинном отделении, собрались в бильярдной, и Антон ввел их в курс дела. А также ознакомил с планами на ближайшее будущее: покойник на борту – скверный знак, так что особенно мнительные, верящие в полтергейст, духов моря и «Летучего голландца» могут улететь вертолетом, который ожидается к вечеру. Все остальные продолжают путешествие. Мне не очень хотелось переживать эти события еще раз, и потому, прихватив с собой два одеяла из каюты, я устроилась в шезлонге на верхней палубе. Укутавшись одеялами до самого подбородка и подставив соленому ветру лицо, я выгнала из головы все мысли, и решила наслаждаться видом сурового моря. К черту все, он был пьян, он оступился, а если даже и нет – какое мне дело. Я никого не собираюсь шантажировать, следовательно, никакая опасность мне не угрожает.

За «Эскалибуром» неслись огромные альбатросы, они со свистом рассекали крыльями воздух: никогда еще я не видела таких крупных птиц так близко.

Разве что страус в зоопарке моего детства. И розовый пеликан, который сдох в канун октябрьских праздников в тот год, когда меня приняли в пионеры. Тогда я была младше Карпика на три года. Странное дело, Карпик очень сильно занимала меня в последнее время, она вызывала чувство жалости и восхищения одновременно.

Удивительная девочка…

Море было беспокойным (в открытом море по-другому не бывает, сказал бы старпом Вася), огромное судно покачивало на волнах, и от этого по всему кораблю шла легкая дрожь.

Эта дрожь, это сдержанное покачивание, да еще вкупе с бессонной ночью, убаюкали меня, и я даже задремала. А проснулась оттого, что кто-то настойчиво теребил меня за рукав. Еще не открыв глаза, я поняла, что это Карпик.

– Ева!

– Ну, что такое?

– Можно я посижу с тобой?

Ты пользуешься бешеным успехом у тринадцатилетних девочек, поздравляю, Ева! Такого в твоей бурной жизни еще не было.

– Конечно, девочка, – вылезать из-под верблюжьих одеял не хотелось, но я помнила о нашем разговоре с отцом Карпика: нужно проявлять дружелюбное ненавязчивое внимание к его дочери. – Сейчас я принесу тебе шезлонг…

– Нет, не нужно. Я хочу с тобой.

– Со мной? – Я сморщила нос.

– Ну да. Ты не волнуйся, я очень легкая. Тебе не будет тяжело.

– Тогда залезай!

Я распахнула одеяла, Карпик юркнула туда и крепко прижалась ко мне. Несколько минут мы просидели молча. Карпик была совсем близко от меня, и мой взгляд лениво блуждал по непритязательному ландшафту ее лица. От тонких тускловатых волос девочки исходил запах хорошо воспитанного шампуня, но к нему примешивалось и что-то еще: запах перегретого металла, запах машинного масла, – это был запах самого корабля.

Странно.

Неожиданно для себя я поцеловала Карпика в макушку. И она тотчас же двинула меня в бок острым кулачком:

– Не смей!

– Что ты, Карпик!

– Не смей меня жалеть!

– С чего ты взяла, что я тебя жалею?

– А разве нет?

– Нет, конечно.

– Папа ведь говорил с тобой, правда? Сказал, что я ранимая и что мне нужна старшая подруга… Ведь так?

Я молчала.

– Еще и деньги, наверное, предлагал. Чтобы ты со мной возилась, потому что сам он не знает, с какого конца ко мне подойти… Ведь так?

– Не так! – Я сочла за лучшее солгать. – С чего ты вообще взяла?

– Я его хорошо знаю.

– Нет, девочка. Ты просто мне очень нравишься. Мне с тобой интересно.

Карпик еще крепче прижалась ко мне и примирительно протянула руку к моему лицу:

– Извини меня, Ева. Можно спросить?

– Конечно.

– Почему у тебя седые волосы? Ты ведь еще не старая, правда?

– Старая. Очень старая.

– Неправда. Ты красивая.

Я закрыла глаза и уткнулась лицом в волосы Карпика. Ну вот, первый комплимент за очень долгое время, и еще никогда комплимент не был так безапелляционен и убедителен. Милая Карпик, обворожительная дурнушка с массой взрослых мыслей в детской головке, прихрамывающая любительница Шопена…

– Спасибо, Карпик.

– Тебе нравится папа?

– Да.

– Ты тоже ему нравишься. Скажи ему… Попроси его, чтобы мы не улетали этим дурацким вертолетом. Я хочу остаться и увидеть настоящую охоту… Попроси его…

– Он хочет улететь? – Я насторожилась.

Все предыдущие события выстраивались в занятную логическую цепочку: появление Сокольникова на палубе – тогда он показался мне материализовавшимся из воздуха – сразу же после разговора старпома с неизвестным – и теперешнее его решение улететь вертолетом. Самый элегантный выход из создавшегося положения. Преступник бежит с места преступле-

ния. Если, конечно, он действительно преступник. Нейрохирург Антон, первым предложивший всем желающим покинуть корабль, сыграл на руку убийце. Кстати, почему он это предложил?.. Нет-нет, мысленно одернула я себя, так ты будешь подозревать всех и в самом скором времени свихнешься… Хотя тот, кто сегодня решится улететь, подставит себя под удар…

– В общем, хочет… Ты не слушаешь меня, Ева.

– Совсем напротив, Карпик.

– Он говорит, что не нравится ему эта смерть.

– Хотела бы я посмотреть на того человека, которому она нравится… Должно быть, твой отец суеверный человек.

– Совсем не суеверный. Мы живем в тринадцатой квартире. Все свои самые крупные сделки он всегда заключает в понедельник. А номер его машины – никогда не догадаешься…

– Почему же? – Я невольно улыбнулась, коснулась пальцем кончика носа девочки и сказала: – Шестьсот шестьдесят шесть.

Карпик даже округлила рот от удивления.

– Точно! Откуда ты знаешь?

– Просто так сказала.

– Ты умная…

– Красивая, умная, – по-моему, ты начинаешь мне мелко льстить.

– Ты мне очень нравишься…

– Вот мы и обменялись комплиментами, Карпик.

– Тебе не тяжело меня держать?

– Нет, – девочка действительно была очень легкой. Слишком легкой даже для тринадцати лет.

– Уговори его остаться. Я хочу остаться.

– Как же я могу его уговорить?

– Ну, не знаю… Пообещай ему что-нибудь. Кажется, ты в его вкусе. – Карпик заговорщицки мне подмигнула.

– Разве тринадцатилетние девочки в этом разбираются?

– Еще как разбираются! Я его хорошо знаю. Ему нравятся такие спокойные женщины, которые не выпендриваются, как эта сука!

– О ком это ты, Карпик? – Я прекрасно понимала, на кого намекает девочка, но мне лишний раз хотелось услышать это: мелкая женская ненависть, низменная зависть, – впрочем, весьма извинительная.

– Об этой дуре Клио. Корчит из себя роковую женщину, а сама… Вовсе она никакая не вамп.

– Ого, ты даже такие слова знаешь?

– Я знаю все слова, все. Даже слово «корнемюз». Вот ты, например, знаешь, что такое «корнемюз»?

– Понятия не имею.

– А это, между прочим, такая волынка, очень была распространена в шестнадцатом веке. Духовой музыкальный инструмент.

– Надо же! – поразилась я. – Век живи – век учись!

– И дураком помрешь, как говорила одна из моих… бебиситтер. Гувернанток…

– Которая была с высшим психологическим образованием? – не удержавшись, поддела я.

– Ну вот, а говоришь, что не разговаривала с папой… Он все тебе выложил!

– Не все, но кое-что…

– Все равно эта Клио – полная дура. Я ее ненавижу.

Я крепко прижала Карпика к себе. Только сейчас я поняла, как она страдает от своей некрасивости, от своей хромоты. Клио была красивой самкой, слишком красивой, чтобы Кар-

пик была к ней лояльна. Я поразилась мощному женскому началу в этой девочке и – еще больше – испугалась его. Неизвестно, куда со временем приведет Карпика это начало, оскорбленное полным отсутствием шанса быть по-настоящему любимой. Конечно, с возрастом она только отточит свой язвительный, удивительно острый ум, она доведет его до совершенства. Она заставит мужчин считаться с собой, уважать себя, ненавидеть себя, – но никак не любить. Она будет яростно бороться с этим тупым свойством мужской природы: по-настоящему желать только глупых блондинок и роковых брюнеток. Бороться, зная, что никогда не победит. А потом, так ничего никому и не доказав, сложив доспехи и оружие, где-то после тридцати, когда начнет увядать и без того не очень хорошая кожа, купит себе мужа. Я даже видела этого будущего мужа маленькой Ларисы Сокольниковой – хорошо развитая мускулатура, в меру выпирающий кадык, аккуратная задница без прыщей и лишних волос, пальцы красивой формы, тяжелая нижняя челюсть и подбородок, раздвоенный, как жало змеи. Классический вариант манекенщика модельного дома Дольче и Габбаны, именно тот тип мужчин, который Карпик со временем возненавидит больше всего. Она будет таскать его по раутам и пати, на семейные обеды совета директоров ее фирмы, а он будет тихонько изменять со своими любовницами, любовниками и эротическими снами… Господи, Ева, куда же тебя занесло?..

Я даже тряхнула головой, чтобы избавиться от дурацких мыслей по поводу лучезарного будущего Карпика. Все будет совсем не так, я очень хочу, чтобы все было не так.

– Ненавижу, ненавижу эту суку Клио! Думает, что она здесь самая главная. Что все должны перед ней на задних лапках бегать, стучать в литавры и падать в голодный обморок от ее неземной красоты… Тоже мне!

– Ненависть – слишком сильное чувство, девочка. Не стоит растрачивать его на такие пустяки. Ты как думаешь?

– Не знаю. – Карпик состроила так свойственную ей уморительную гримаску: накрыла верхнюю губу нижней. – Может быть, ты и права. Он, наверное, очень сильно его ненавидел..

– Кто – «он»? Кого – «его», Карпик?

– *Тот, кто убил старшего помощника капитана. Ведь его убили, правда?*

У меня похолодело сердце. Она знала, о чем меня спросить, маленькая плутовка.

– Не говори глупостей, Карпик! Ты же знаешь, что произошел несчастный случай. Это ужасно, конечно, но что делать…

– Нет, его убили. Ты ведь тоже знаешь, что его убили.

– Послушай… Я была там сегодня ночью. Я все видела. И все остальные тоже видели. Это не мы с тобой, это профессиональные люди. Врач, адвокат… Они восстановили всю картину происшедшего. Никаких сомнений, что это несчастный случай. И давай больше не будем говорить об этом.

– Ничего не изменится. – Карпик была упряма. – Ничего не изменится, даже если мы не будем говорить об этом. Убийство не перестанет быть убийством.

Она посмотрела мне прямо в глаза. Последняя фраза, сказанная Карпиком, и этот взрослый, почти торжествующий, взгляд испугали меня не на шутку. Нет, Карпик не боялась убийства, ей нравилось говорить об этом, это занимало все ее мысли, свободные от ненависти к красоте Клио. Я могла ожидать чего угодно, кроме этого жгучего любопытства. А впрочем, нет, – ведь Карпик сама предпочла сытенькому Диснейленду охоту на тюленей…

– Его убили.

– Да нет же! – Я стала терять терпение и почти оттолкнула от себя Карпика. Но она лишь крепче прижалась ко мне.

– Неужели ты не хочешь во всем разобраться, Ева? Это же так интересно…

– «Интересно», надо же! «Интересно», самое подходящее слово.

– Ну хорошо, пусть не самое подходящее… Я говорила об этом с папой.

Я насторожилась:

– И что папа?

– Наорал на меня. Сказал, что он сыт по горло. Сказал, что я гадкая девчонка и что он больше со мной никуда не поедет. И что мы улетим этим вертолетом. Я не хочу улетать… Я хочу остаться.

Что ж, я могла только посочувствовать Карпику. И позавидовать. Во всяком случае, сейчас мне бы очень хотелось оказаться на ее месте. Карпик права в одном: убийство не перестанет быть убийством, если о нем не думать. И не стоит обольщаться: я не смогу этого забыть…

– Твоя версия – почему его убрали?

– Господи, ты опять за свое!

– Я же вижу, что и ты думаешь так же. Ведь правда?

Я подавленно молчала. Господи, чего хочет от меня эта девчонка, какого ответа добивается? Пока я трусливо пыталась спрятать свои сомнения, Карпик не спускала с меня глаз. И я не выдержала, сдалась, отвела взгляд, так же как и за первым торжественным ужином. Я опять проиграла ей дуэль и теперь точно знала, что буду проигрывать ей всегда.

– Чего ты от меня хочешь, Карпик?

– Чтобы ты сказала правду. Учти, если ты будешь врать, то у тебя вырастут волосы в носу. Так папа говорит. Хочешь, чтобы у тебя выросли волосы в носу?

– Нет.

– Тогда говори правду.

– Хорошо. – Я зажмурилась и выпалила яростным шепотом: – Хорошо. *Я тоже считаю, что его убили.* Теперь ты довольна?

Мое признание произвело странное впечатление на Карпика. Она широко улыбнулась, обхватила меня руками и крепко прижала к себе.

– Ну, – торжествующе сказала Карпик, – и что теперь мы будем делать?

– В каком смысле?

– Теперь, когда мы знаем, что кто-то на корабле убил старшего помощника капитана.

Кто-то… Интересно, девочка, что бы ты сказала, если бы знала, что в круг подозреваемых, который я определила для себя, входит и твой отец, твой драгоценный папочка?

– А что мы можем сделать? – осторожно спросила я.

– Давай договоримся. Здесь никому нельзя доверять. Никто не верит, что старшего помощника убили, никому и не нужно верить. Ведь никто не любит никаких осложнений, правда?

Карпик проявляла подозрительную для ребенка прозорливость, и мне оставалось только соглашаться с ней.

– Правда.

– Я знала, что случится что-то необычное, я знала это с самого начала. Давай заключим союз, Ева, давай сами найдем убийцу.

– Ты с ума сошла! – Господи, в который раз я говорю ей это.

– Почему? Это же так здорово, самим все распутать!

– Интересно, как ты себе это представляешь? – Я скептически хмыкнула: действительно интересно, как представляет себе следственные действия тринадцатилетняя девчонка.

– Очень просто. Сначала мы наметим круг подозреваемых.

– Каким образом?

– Будем всех анализировать. Задавать каверзные вопросы. Я умею задавать каверзные вопросы.

– Да уж!

– Потом осмотрим все. Его каюту, например, – тихонько, чтобы никто не видел.

– Что ж, вполне здравая мысль, – сыронизировала я. – Не забудь еще про место преступления. Там наверняка можно найти какие-нибудь улики.

– Я знаю. Я бы и сама это сказала. Ты просто опередила меня, так нечестно.

Я рассмеялась – все-таки она была всего лишь ребенком, тринадцатилетней девочкой.

– Хорошо, хорошо. Прости.

– Ничего. В конце концов, мы же вместе… Ты и я. Правда?

– Правда!

– Тогда поклянемся быть вместе и никому ни о чем не рассказывать, пока все не выясним.

– Клянусь. – Я снова рассмеялась. – Клянусь молочными пенками.

– Это нечестно, – надулась Карпик. – Ты же ненавидишь молочные пенки. Подожди, я сейчас приду.

Карпик выпросталась из одеял и, прихрамывая, направилась к трапу, ведущему внутрь корабля.

– Только никуда не уходи, обязательно дождись меня!

Я подняла руку: никуда не уйду, буду ждать тебя верно и преданно.

Как это ни странно, напряжение, не отпускавшее меня с момента гибели старпома, неожиданно прошло. В лице Карпика я получила неожиданную союзницу: она не знает того, что знаю я, но ей и не нужно это знать. Для нее это игра, немножко страшная, но все равно – игра. Пусть для нее все и остается игрой. И почему бы не сыграть вместе с ней? Выдвинуть игрушечную версию, обсудить ее вдвоем, без всякой боязни, что об этом кто-то узнает. Карпик даст мне возможность думать вслух, она даст мне возможность ошибаться и исправлять ошибки… Пожалуй, в ее предложении есть рациональное зерно…

– Я вернулась, – торжествующе объявила Карпик, взбираясь ко мне на колени.

– Здорово! А я уже успела соскучиться.

– Хочешь леденцов?

– Леденцов?

Не дожидаясь ответа, Карпик сунула мне в ладонь пакетик с леденцами. Это был довольно странный пакетик с обтрепанными краями, почему-то вымазанный мазутом. Леденцы тоже были не лучше: засахарившаяся, плотно склеенная масса неопределенного цвета. До чего же странными бывают пристрастия дочерей банкира.

– Господи, девочка, где ты их взяла?

– В плотике.

– В каком плотике?

– В спасательном. Нам же их показывали перед отплытием, разве ты не помнишь? А там, между прочим, много всяких вещей: крючки, вода, пиротехника какая-то. И вот – леденцы.

– Отвратительно они выглядят.

– Зато вкусные.

– Их, наверное, еще в русско-японскую войну делали.

– Зато вкусные. Ешь.

– Сначала ты.

– Я уже съела целую пачку, но могу еще…

Карпик разломила бурую леденцовую массу пополам и сунула свою половину в рот. И даже причмокнула. Я последовала ее примеру, удивляясь про себя и задавая себе только один вопрос: *неужели я всегда буду следовать ее примеру?..* Плясать под ее дудку, под ее волынку… Как же она назвала этот музыкальный инструмент?

Кажется, корнемюз.

– Ну, как? – пуская сладкую слюну, спросила Карпик.

– Превосходно.

– Я знала, что тебе понравится. Всегда нравится то, что достается не просто, – у Карпика была удивительно верная философия. – А теперь дай сюда руку.

– Зачем?

– Дай, не бойся.

Я выпростала руку из-под одеяла. Карпик цепко ухватилась за нее и тотчас же достала золотую заколку для галстука. На ее конце посверкивал крупный бриллиант.

– Это что еще такое? – удивилась я.

– Это папочкина заколка.

– А зачем ты ее принесла?

– Сейчас ты все поймешь.

Обхватив мой указательный палец своими цепкими руками, она с силой надавила на него. Кончик пальца сразу покраснел, к нему прилила кровь. Карпик же молниеносным движением воткнула острый конец заколки прямо мне в руку. Это было так неожиданно, что я даже вскрикнула. Но Карпик не дала мне опомниться: то же самое она проделала и со своим указательным пальцем, и выдавила на поверхность капельку крови.

– Теперь давай его сюда, – деловито сказала она.

– Кого?

– Свой палец. Мы смешаем нашу кровь, чтобы быть как будто сестры. Чтобы все делать вместе… Все и всегда. Это как клятва. Как будто клянешься на крови. Мы ведь решили все делать вместе, правда, Ева?

Самым удивительным было то, что и на этот раз я подчинилась. Убедившись, что обряд совершен, Карпик прижалась ко мне и крепко поцеловала в щеку. Я слабо верила в реальность происходящего, только палец колола острая, как жало, боль. Впрочем, очень скоро боль прошла и ко мне вернулся мой собственный, иронический взгляд на мир.

– Надеюсь, все ритуалы закончены? Есть землю не придется? И помет корабельных крыс…

– Не придется. Тем более что здесь нет никакой земли. Только вода. И крыс тоже нет. Макс говорит, что здесь сильные магнитные излучения. Раньше у них была кошка, так они ей сделали специальный ошейник из меди…

Опять этот таинственный Макс, никогда не виденный мною рефмеханик, сидящий где-то внизу, в столовой для матросов, в матросском кубрике, у холодильных камер… Гефест в своей кузнице, Аид в своем царстве мертвых… Когда только Карпик успела подружиться с ним? Когда только Карпик успела подружиться со мной? И не только подружиться, а еще и обменяться капелькой такой одинаковой крови…

– Слава богу, ни земли, ни крыс. Нужно отметить это событие.

– Ну вот. Теперь мы всегда должны доверять друг другу. И друг другу помогать.

Привязанность ко мне Карпика, так внезапно вспыхнувшая, ставила меня в тупик. Впрочем, ей всегда можно найти здравое объяснение: девочка тянется к взрослым, только и всего. Девочка потеряла мать в возрасте трех лет, только и всего…

– Ты согласна, Ева?

– Хорошо. Я согласна.

– А теперь давай думать об убийстве.

– Ты полагаешь, что можно думать об убийстве?

– Конечно. Сначала решим, кого мы будем подозревать.

– Я не знаю, кого тут можно подозревать.

– Подозреваются все! – провозгласила Карпик и рассмеялась.

– Все?

– Ну, кроме тебя, меня и папы. И еще – Мухи.

– Так не пойдет. Почему мы не можем подозревать Муху?

– Потому что он гомик. А гомики никого не убивают. Они слишком заняты собой и всего боятся.

– А вдруг старпом не ответил Мухе взаимностью, и Муха убил его из ревности? – теперь рассмеялась я.

– Нет. Муха мне нравится.

Это был убийственный аргумент.

– Хорошо. Оставим Муху в покое. А как насчет папочки? – Это был запрещенный прием, но я не могла отказать себе в удовольствии подразнить девчонку. Тем более что в глубине души вовсе не была уверена в невиновности преуспевающего банкира Валерия Адамовича Сокольникова.

Моя реплика привела девочку в ярость – такую сильную, что из глаз у нее брызнули слезы.

– Как ты можешь так говорить?

– Ну, если уж мы приняли условия игры…

– Это не игра. – Слезы высохли так же внезапно, как и появились, и Карпик внутренне напряглась. – Это не игра.

Тут ты права, девочка. Труп, лежащий в одной из морозильных камер, – это не игра.

– Сдаюсь. Это была не самая лучшая шутка сезона. Что мы будем делать?

– Пойдем в машинное отделение… Осмотрим все на месте.

– Когда?

– Прямо сейчас. Если у тебя нет никаких других планов.

– У меня нет никаких других планов.

Это была чистая правда. У меня не было никаких планов. Никаких планов относительно совершенного преступления. Никаких планов относительно его расследования. Забыть как страшный сон, забыть, вот чего я страстно желала, – только и всего… Но теперь все изменилось. Вдвоем можно попытаться распутать чертово убийство. И хотя бы приблизиться к истине. К тому же Карпик умна, парадоксальна, наблюдательна. И я всегда сумею защитить ее… Господи, сделай так, чтобы убийцей не оказался ее отец. Тебе ведь ничего не стоит это сделать, господи…

* * *

Самым поразительным оказалось то, что всего лишь за два дня плавания на «Эскалибуре» Карпик излазила его вдоль и поперек. Для меня, с раннего детства страдающей топографическим идиотизмом, было совершеннейшей неожиданностью то, как уверенно Карпик ориентируется в хитросплетениях узких коридоров, как быстро она находит нужные повороты, как легко карабкается по устрашающего вида, почти вертикальным трапам. Пожалуй, эти трапы – ее стихия, они скрадывают хромоту, они дают ей ощущение полноценности и радости движения… Со мной дело обстояло гораздо сложнее: несколько раз я поскользнулась на крутых ступенях, а однажды чуть бездарно не свалилась вниз – меня спасли только поручни. К тому же я все время забывала о высоких порогах дверей – комингсах и благополучно спотыкалась уже на ровной поверхности.

…Нижняя палуба разительно отличалась от палуб пассажирских: здесь не было ковров и стены не были обшиты деревом. Зато дверь в машинное отделение была открыта. Мы добрались до нее, так никого и не встретив по пути.

– Пришли, – сказала Карпик, – помоги мне открыть, дверь очень тяжелая…

Вдвоем мы справились с металлическими заклинками и сразу же оказались в царстве грохочущих механизмов. Шум стоял такой сильный, что Карпик даже прикрыла уши. Немного привыкнув к грохоту, мы двинулись в глубь отделения. Карпик замечательно ориентировалась и здесь.

…Мы без труда нашли место падения старпома. И даже добросовестно исследовали его. И пока Карпик с упоением ползала на коленях, рассматривая пол на предмет возможных улик, я предавалась совершенно другим мыслям. Прошлой ночью в наполненном людьми машинном отделении я даже не сообразила, что главной уликой может являться *само падение*. Вернее, не падение даже, а траектория, которую описало тело падающего старпома. И то расстояние от трапов, на котором оно лежало.

Слишком далеко.

Для того чтобы упасть так, как упал Митько, необходимо было для начала разогнаться, оттолкнуться от пола и постараться прыгнуть как можно дальше. И если принять версию Антона и Альберта Венедиктовича о том, что старпом оступился, то становится непонятным, почему тело лежало так далеко от трапов и от стены машинного отделения.

А положение трупа свидетельствует об одном из двух: либо Митько действительно с силой оттолкнулся от площадки, и тогда это сильно смахивает на самоубийство, либо…

Либо Митько просто выбросили.

Странно, что никого не смутил этот факт. Странно, что его вообще оставили без внимания. Может быть, Карпик права, и все эти далеко не глупые, респектабельные господа бегут от криминала как черт от ладана? И не хотят замечать очевидных вещей. И это играет на руку убийце, – возможно, самому респектабельному из всех респектабельных господ.

– Посмотри, что я нашла, Ева! – Торжествующий голос Карпика вывел меня из задумчивости. – Это то, что нам нужно. Иди сюда.

Я подошла к девочке и опустилась на корточки рядом с ней. Карпик указала мне на пуговицу, валяющуюся на полу, возле маховика, который соединял один из двигателей с генератором. Нельзя сказать, что сообщение об этой находке как-то особенно взволновало меня: я начала рассматривать ее только для того, чтобы подыграть щенячьему энтузиазму Карпика. Но тут мне пришлось согласиться с Карпиком: пуговица действительно представляла собой довольно необычное зрелище. Во всяком случае, ничего подобного я раньше не видела. Она была сделана из немного сточенной и довольно крупной монеты, чуть больше двух сантиметров в диаметре.

Пять рейхсмарок 1938 года. С маленькой изящной свастикой в когтях орла и бульдожьим профилем Гинденбурга.

К монете было приварено ушко, что, собственно, и делало ее пуговицей. Теперь в ушке торчали нитки и микроскопический кусочек темной ткани. Очевидно, пуговицу оторвали. И не просто оторвали, а оторвали с мясом.

– Ты когда-нибудь такое видела? – прошептала Карпик.

– Нет.

– Ничего себе пуговичка, ею убить можно!

– Не преувеличивай, Карпик! Ею убить нельзя…

– Ну, все. Теперь он у нас в кармане. – Карпик крепко сжала пуговицу-монету в руке, она даже не могла скрыть своего ликования.

– Кто?

– Убийца!

Я поспешила остудить пыл не в меру ретивой девчонки:

– Ну, это совсем не факт.

– Как – не факт? – Карпик даже вспыхнула от негодования. – Все же очень просто! Они боролись, старший помощник выдрал пуговицу, перед тем как его сбросили с площадки. Ведь она же рядом с ним лежала, ты же не будешь этого отрицать…

Карпик шла тем же путем, каким шла и я сама, и от этого мне сделалось не по себе.

– Лежала… Она могла лежать здесь с незапамятных времен.

– Ага. С тысяча девятьсот тридцать восьмого года, – пошутила Карпик. – Это же не обычная пуговица… Или ты думаешь, что кто-то из матросов носит такие на кителе?

– Не знаю.

– Это очень заметная вещь, – продолжала страстно убеждать меня девочка. – Ты правда такую не видела?

– Нет, – снова честно сказала я.

– И я тоже. Хотя у папы много пиджаков. Он любит «Живанши» и «Армани». А ты?

– Изделия Трехгорной мануфактуры. Идем. Поднимемся по лестнице наверх. Думаю, что все, что мы могли обнаружить здесь, мы уже обнаружили…

Непрерывный подъем по крутым трапам был немного тяжеловат для Карпика, и мы остановились на одной из площадок, чтобы передохнуть. Я закурила неизменный «Житан Блондз», а Карпик, прижавшись лицом к решетке ограждения, долго смотрела вниз. А потом повернулась ко мне:

– Это хорошие сигареты?

– Это любимые сигареты.

– А какая разница?

– Никакой. Любимые – всегда хорошие. Это не только к сигаретам относится.

– Дай мне затянуться, – неожиданно попросила Карпик.

– Еще чего! Не хватало, чтобы я приучила ребенка курить. Можешь стрелять сигареты у своего папочки, если хочешь…

– Он не курит.

– Видишь, какой положительный человек. Должен служить тебе живым примером.

Так, легко пикируясь, мы добрались до площадки, с которой упал Митько. Или с которой его сбросили. Лампа аварийного освещения уже была поставлена, и в ее свете мы принялись за поиски деталей, более весомых, чем немецкая пуговица-монета. Но здесь нас поджидало разочарование: ничего, заслуживающего внимания, мы так и не нашли. Это несколько обескуражило Карпика, которая ожидала от пролета весь джентльменский набор улик: луж крови, кастетов, стилетов, стреляных гильз и визитную карточку убийцы для полноты картины. Но поле гипотетической битвы оказалось абсолютно стерильным.

Карпик позволила мне выкурить еще одну сигарету и, пока я с наслаждением выпускала дым, принялась размышлять вслух:

– Главное у нас уже есть. Пуговица.

– Ценное приобретение. И что ты думаешь с ней делать?

– Сначала нужно выяснить, от чего она была оторвана.

– Интересно, каким образом?

– Будем следить за каждым. Кто во что одевается… Хорошенько ко всем присмотримся. Наверняка у него нет больше запасной… И пришить ее он не сможет.

Я улыбнулась и приподняла Карпику подбородок:

– Это спорный тезис.

– Почему?

– По разным причинам. Во-первых, я уже говорила тебе, – совсем не факт, что эта пуговица оказалась здесь вчера ночью. Во-вторых, если это действительно пуговица с пиджака убийцы – на минуту предположим такой вариант, – то нет никаких гарантий, что убийца уже не обнаружил потерю. Он мог спуститься сюда и попытаться найти ее…

– Но ведь нашли-то ее мы!

– Да. Следовательно, ее он не нашел. И потому спрячет пиджак куда подальше, наверняка этот пиджак у него не единственный. И спокойненько проходит все путешествие в другой одежде. Лично я бы поступила на его месте именно так. К сожалению, мы совершенно не были готовы к такому развитию событий.

– Ты имеешь в виду убийство, Ева?

Я помялась, а потом все-таки сказала:

– Да. Вряд ли преступник, для того чтобы убить кого-то, специально переодевался именно в этот пиджак. Следовательно, он носил его раньше, он носил его вчера. И мы могли его уже видеть. Мы просто не обратили внимания на эти пуговицы… Мы и не могли обратить на них никакого внимания. Так ведь, девочка?

– Да, – вздохнув, призналась Карпик. – Если бы я знала!.. За нашим столиком ни у кого нет такого пиджака. И этот твой гнусный Вадик был в джемпере…

И я услышала нотки сожаления в голосе Карпика: о, как бы она была счастлива, если бы оказалось, что кровожадным преступником был мой оператор. Или «эта сука Клио, фак ю». Тогда бы Карпик торжествовала, тогда ее глухая неприязнь к ним была бы полностью оправданна. Мне даже на секунду показалось, что Карпик и затеяла это сюрреалистическое расследование только для того, чтобы вывести этих двоих типов на чистую воду.

– Да. Вадик был в джемпере, а твой отец в пиджаке.

– Это совсем другой пиджак! – Карпик вспыхнула и даже сжала кулачки от негодования.

– Я знаю, – успокоила я девочку. – О нашем столике я знаю все. Но что ты скажешь относительно оставшихся четырех?

– Стол капитана отпадает. Они все были в своей форме, ты же помнишь. Они вообще все время ходят в форме. Или голые по пояс, – вспомнив моториста, Карпик совсем по-женски жеманно хихикнула. – Значит, остаются еще три стола.

– Да, – поддержала я дедуктивные экзерсисы Карпика, – за вычетом двух женщин остаются девять мужчин. И, по-моему, они все были в пиджаках. Или в свитерах? Или в купальных костюмах? Или в скафандрах? Я ни черта не помню.

– Я тоже, – вздохнула Карпик.

– Плохие мы с тобой следователи, – подвела итог я. – Может быть, закроем дело? Ты как думаешь?

– После того, что мы нашли? – Карпик даже задохнулась от возмущения. – И не подумаю! И тебе не позволю. Если хочешь знать, то точно, кто здесь ни при чем, – это Муха.

– Это я уже слышала.

– Нет. Он все время ходит в рубашках апаш и жилетках. Он уже три раза их менял! А ты говоришь, что я ненаблюдательная!

Теперь и я вспомнила, что наш очаровательный, похожий на породистое животное, «голубой» действительно появляется к завтраку, обеду, ужину (обязательным для всех) и ночному чаю (посещаемому по желанию) в самых разнообразных жилетках: кожаной, гобеленовой, вызывающе кислотной, классически черной. Очевидно, они призваны как-то подчеркнуть его настроение или служат сигналом к началу брачных игр. А то, что юный жиголо Муха собирается окучивать не только своего компьютерного божка, видно невооруженным глазом. Пару раз он (якобы случайно!) касался руки универсального красавчика-стюарда Романа и мешковатой задницы рулевого Хейно. Если так будет продолжаться и дальше, то в перспективе мы сможем стать свидетелями шекспировских страстей и битвы маралов за обладание парнокопытной самочкой Мухамеджаном. Странно, что глубоко порочный Муха так нравится Карпику. Хотя и этому можно найти объяснение: Карпик подсознательно чувствует, что Муха никогда не будет акцентировать внимание на ее женских недостатках. И только потому, что, с точки зрения женщины, и сам достаточно уязвим. Так что, да здравствует союз дурнушек и «голубых» – добрых друзей, которые в трудный момент всегда поддержат друг друга.

– Молодец! – поощрила я Карпика. – Но все равно остается очень много народу. Мы просто устанем всех подозревать.

– А, по-моему, это просто здорово.

– Но подозрения еще никого не приблизили к истине. Думаю, что если мы зациклимся на пуговице, то ни к чему не придем.

– Почему? – Карпик не хотела сдаваться. – Я согласна, что убийца может спрятать пиджак. Может никогда его не надеть. Тогда мы просто обыщем все каюты.

– Интересно, каким образом?

– Очень просто. Кто-то берет на себя пассажира каюты, уводит его куда-нибудь… А другой в это время осматривает вещи.

– Интересно, как это сделать технически, душа моя? Ведь не все живут по одному. И потом, как мы попадем в каюты? Ведь ключи от них разные. Не красть же их за завтраком, правда?

Карпик сосредоточенно молчала.

– Или ты собираешься выбивать филенки в каждой двери?

Сведения о филенках, расположенных в нижней части каждой каюты, я подцепила из той же лекции второго помощника Суздалева: филенки легко выбивались в случае экстренной необходимости попасть в каюту.

– Нет, – Карпик покачала головой. – Тогда нас сразу раскусят. Будет большой скандал.

– Именно.

– Есть другой способ. Мне Макс сказал.

Опять Макс! Пожалуй, в скором времени я начну разделять опасения Сокольникова относительно этого Макса: за два дня нашего пребывания на судне он основательно обработал Карпика. Кто бы он ни был, но он сотворил мир «Эскалибура» – специально для несчастной хромоножки. И все же я решила не акцентировать свое внимание на Максе.

– Интересно, какой? – Я попыталась вложить в свой вопрос как можно больше беспечности.

– Замечательный. Ты же знаешь, что на корабле есть боцман.

– Догадываюсь. – Я не только догадывалась, я даже видела этого боцмана пару раз. Это был ничем не примечательный мужчина средних лет: никакой боцманской дудки и пышных бакенбардов а-ля император Александр III.

– Так вот, у каждого боцмана на каждом корабле обязательно есть универсальный ключ от всех кают. Здорово, да! У нашего боцмана тоже есть такой ключ, и он подходит ко всем дверям.

– И ты собираешься попросить у него этот ключ?

– Нет, – просто сказала Карпик. – *Я собираюсь его украсть.*

– О чем ты говоришь?! Я тебе запрещаю, слышишь! Только этого не хватало! Так мы можем прийти невесть к чему. Я запрещаю.

– Тогда красть придется тебе. Иначе мы никогда ничего не узнаем.

– Я не буду этого делать. И тебе не позволю.

– В воспитательных целях?

– И в воспитательных целях тоже.

– В таком случае ты опоздала. Прошлой зимой, когда я еще училась в Англии, мы ездили на экскурсию, из Брайтона в Лондон… Ну, сама знаешь, всякие там Тауэры, Вестминстерские аббатства, Биг Бэны, музей мадам Тюссо… Ну и так далее. Так вот, я там стибрила три компакт-диска в магазине. И браслет с колокольчиками. И джинсовую рубашку.

Я смотрела на Карпика, широко раскрыв глаза: кто бы мог подумать, что эта некрасивая крошка, бесспорная кандидатка в Христовы невесты, занимается такими делами?! А может быть, именно поэтому она ими и занимается?..

В голосе Карпика мне послышался вызов, – давай, Ева, читай мне проповеди о том, как нехорошо обворовывать магазины. Начинай, а я послушаю.

Ничего не выйдет, Карпик. Я и не подумаю возмущаться.

– Ну и как, удачно? – только и спросила я.

– Не совсем.

– Что значит – «не совсем»?

– Погорела на джинсовой рубашке.

– Та-ак… И что было дальше?

– Папочка заплатил крупный штраф, и все замяли. Я же несовершеннолетняя.

– Послушай меня, девочка. Никакого ключа у боцмана ты воровать не будешь.

– Это почему же?

– Ключ свистну я сама.

– Почему ты?

– Потому что ты уже один раз попалась, и я не могу доверить тебе такую ответственную операцию.

– Вот здорово! – захлопала в ладоши Карпик. – Ева, я тебя обожаю! Дай мне слово, что мы никогда не расстанемся.

– В ближайшие две недели – точно, – осторожно сказала я. – Нужно идти, иначе мы опоздаем на обед, и это будет выглядеть подозрительно.

Мы снова спустились вниз, в машинное отделение, чтобы выйти тем же путем, которым пришли. Карпик снова потянула меня на место падения Митько. И тут произошла совершенно неожиданная вещь.

Мы оказались не единственными, кто живо интересовался машинным отделением. По полу, в точности повторяя то, что делала Карпик еще полчаса назад, ползал человек. Карпик ткнула меня кулаком в бок, и я вздрогнула. Карпик же бросила быстрый взгляд на согбенную фигуру неизвестного посетителя и приложила палец к губам: ага, что я тебе говорила, на ловца и зверь бежит. Несколько минут мы наблюдали, как мужчина, лица которого пока не было видно, что-то искал, методично обшаривая пол сантиметр за сантиметром. Спина его настороженно подрагивала. Наконец Карпик не выдержала.

– Добрый день, – прощебетала она, сама кротость, бессменная героиня всех святочных открыток сразу.

Человек вздрогнул так, как будто его застали на месте преступления. Хотя, кой черт – «как будто»? Мы и застали его на месте преступления. Ему хватило двух секунд, чтобы оценить ситуацию и обернуться к нам с заранее заготовленной милой улыбкой на лице.

Это был губернатор Николай Иванович Распопов.

– Добрый день, – снова повторила Карпик, очень воспитанный ребенок.

– Здравствуйте, девочки, – он поднялся и отряхнул брюки.

– Надо же такому случиться, вчера здесь обручальное кольцо потерял. Говорят, это плохой знак. Вы ведь тоже здесь были, – обратился он ко мне, – ужасная история… И я еще кольцо потерять умудрился… Спохватился только сегодня утром, всю каюту перерыл, – нет его. Я и подумал, может быть, здесь оно.

– Нашли? – спросила Карпик, а я вдруг страшно испугалась, что она может предъявить ему пуговицу и спросить в своей обычной бесшабашной манере: «Вы случайно не это потеряли?» И если окажется, что пуговица как-то связана с убийцей… А убийца стоит перед нами… У меня даже подогнулись колени. Но Карпик оказалась умницей.

– Нашли, что искали? – снова переспросила она.

– Представь себе, деточка! – Теперь он позволил себе торжествующе улыбнуться и показал нам кольцо, которое держал в руках. – Рядом с этой махиной упало, или как это называется…

– Дизель-генератор, – подсказала осведомленная Карпик.

– Смышленая девочка… Слава богу, что нашел… У меня молодая жена, очень ревнивая, я только два месяца как женился… Она бы меня не поняла. Это кольцо сделано на заказ… Три бриллианта, видите? – Губернатор водрузил кольцо себе на палец и перевел дух.

– Очень дорогое, да? – Карпик проявила живейшую заинтересованность в кольце.

– В общем, недешевое. Но не это главное. Это подарок на свадьбу, я бы ей ни за что не объяснил…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.